

Тиана Тон

Дар

18+

Тиана Тон

Дар

«Автор»

2020

Тон Т.

Дар / Т. Тон — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-94370-4

2 книги. В Нордвинде сложно выжить, если не работать до изнеможения. Мира выпекала хлеб и не мечтала о переменах в жизни, пока не оказалась в тюрьме. Из заточения юную скромницу вызволил Деян Лакурец, намереваясь на этом заработать. Преступник, безумец, бродяга — так называли Деяна окружающие. Разве согласится женщина добровольно следовать за этим человеком? Согласится, если её репутация погублена. Мира готова бежать от казни хоть в логово дьявола. Однако вместо ада она попадает к ангелу. Кто скрывается под маской бродяги? Мужчина, способный не просто спасти преступницу от смерти, но и приоткрыть для неё дверь в мир любви. Вскоре Деян попадет в западню, и обвинит в этом Миру, пока не узнает, что она в гареме страдает не меньше его самого. Отныне Деян мечтает обрести свободу и снова спасти Миру, поскольку они связаны навеки. Когда-то Деян похитил Миру ради выгоды, а вышло так, что девушка украла его сердце! Судьба решила, что кроткая простолюдинка и дерзкий бродяга тоже созданы для любви!

ISBN 978-5-532-94370-4

© Тон Т., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Тайны Северного государства	11
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	41
Глава 9	44
Глава 10	49
Глава 11	51
Глава 12	53
Глава 13	56
Глава 14	58
Глава 15	60
Глава 16	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Тиана Тон Дар

Ранний век – тёмные времена.

Когда территория Земли делилась на четыре государства с независимым друг от друга правлением: северное королевство – Нордвинд, западное плато – Вилдернес, восточное государство – Нескешская империя и южный полюс – Старбуск, произошла эта история.

Пролог

Северное королевство. 1085 год.

Войско в тысячу бойцов стремительно наступало на небольшую деревню Форсовер, обещающая сравнять её с потрескавшейся от засухи долиной. Земля сотрясалась от топота лошадей, а округу огласил звон стали и доспехов, в которые снарядились рыцари.

Первыми выступали конные копейщики, облаченные в кожаные рубахи, прикрывающие акетоны, набитые конским волосом, и кольчуги с длинными рукавами. Воины неслись галопом, сжимая рукавицами тяжёлые копыя. Ряд их растянулся ровной линией от берёзовой рощи до реки. Лето выдалось жаркое, но каждый воин держался с достоинством, хотя от напряжения потели ладони и тёрлись о стальную чешую рукавиц. Авентайл давил на горло и натирал плечи. Пот струился по лицам, застилая глаза, на которые съезжали шлемы по влажным коротким волосам. Их наголовья, напоминающие формой цилиндр, сверкали лучше, чем начищенные серебряные кубки.

Следом за конными двигались пешие бойцы в кольчужных штанах и прилегающих к телу чешуйчатых туниках. Войско растянулось по сто человек в ряд. Бойцы приготовились к сражению, выставив мечи, и прикрываясь круглыми щитами с изображением герба. Такой же рисунок развивался на знамени с вилообразными полосами по краю, древко которого сжимал знаменосец, ехавший впереди армии.

Каждый воин рассчитывал, что бой будет быстрым и сокрушительным. Но... Они ошиблись. Противника успели предупредить, и тот выставил малую разномастную армию на подступах к деревне.

На защиту своей территории выстроилось формирование меньшей численностью, но не менее устрашающего вида.

Первыми образовали нехитрый отряд босые крестьяне. Пред лицом смерти мужчины предстали в широких льняных рубахах, которые прикрывали холщовые штаны, закатанные до колен. В крепких руках простолюдины сжимали вилы и топоры. Находились среди них мальчишки, у которых едва пробился жесткий волос на впалых щеках; были и горбатые седые деды, опирающиеся на клюку.

Да только выглядели крестьяне деловито. Глаза сверкали ненавистью из-под выцветших бровей, а кудрявые длинные волосы разметались по плечам. Стояли люди, изнурённые работой, и тревожно выжидали. Вокруг них, чуя запах навоза, кружили мухи. Мужики отмахивались мозолистыми ладонями и вглядывались вдаль. Старики крестились и возносили молитвы, поднимая глаза на бледное небо.

Воины не издавали ни звука. Сотни две рыцарей расположились шеренгой. Они успели облачиться в кольчугу, сплетённую из мелких металлических колец, поверх кожаной мягкой рубахи, заправленной в тяжёлые кольчужные штаны. Ратники щурились от солнечных лучей и блеска доспехов противника. Их шлемы не ограничивали поле зрения. Кованые из металлических листов, они плотно прилегали к голове, укрывали нос пластиной и защищали уши вставками, которые опускали прямо перед боем. Дополнительной же защитой им служил кольчужный капюшон.

Воины сжимали копыя с острыми наконечниками, натёртыми ядовитым уксусом. Ряды их не тянулись. Они выстроились плечом к плечу, образуя защитный барьер из круглых щитов. Небольшая настороженная армия, где каждый воин готов биться до конца. Противники приближались и гикали. Топот копыт отдавался в ушах набатом пожарного колокола.

Воздух замер, что можно услышать хриплое дыхание. Только в лесу пели птицы, да ветер носился меж ветвей, гоня мошкарку. С реки доносились вопли лягушек и плеск воды. По небу лениво плыли облака, а под ними оживленно кружили вороны, дожидаясь сытного пира.

Природа жила своей жизнью, а расстояние между бойцами сокращалось. Сердца крестьян сжимались. Лорд до последней секунды гнал их с поля сражения, не допуская кровопролития, но простолюдины отказались покидать ряды армии. Они вознамерились отстоять свою землю и честь феодала. Для людей он казался лучшим правителем, чем монарх.

Мужи оборачивались и искали глазами лучников, спрятавшихся позади. Но нигде их не было видно.

Как только конные противники оказались на расстоянии нескольких метров, их капитан выкрикнул: «В атаку!» В ответ стрелы рассекли воздух тонким, едва различимым шелестом. Бойцы походили на ежей, но мчались дальше, пока стрела не попала одному из жеребцов в глаз. Он начал гарцевать на месте. Рыцарь соскользнул с гладкой попоны, зацепившись ногой в стремени. Жеребец взбрыкнул и потащил его по полю, наскакывая на воинов. В начавшейся суматохе схлестнулись ряды бойцов.

Противники пробили щитовую защиту и замахали мечами. Скрежет стали резал слух. Нападающие следили за происходящим в прорези шлема и теснили малое войско, отбрасывая неприятелей назад. Из-за отсутствия забрала, их тяжёлое дыхание вырывалось свистом в мелкие отверстия.

Страшные звуки оглашали округу. Лошади ржали и били копытами. Они, закусив удила, мчались вперёд. Падая, поднимались, вставали на дыбы и топтали бойцов. Вопли раненых перешли в вой. А те, кто умирал мгновенно, лишь удивлённо вздыхали.

Нападающие кричали, славя короля. Они шли на смерть ради жизни, отстаивая честь монарха и его славное имя.

Крестьяне отражали нападение и проклинали этого самого монарха, обличая своё бесстрашие.

Вот уже рыцарь рассёк щитом лоб простолюдину. Тот схватил его меч ладонью и, сжав стальное острие, посмотрел в глаза противнику. По руке текла кровь, а он продолжал смотреть и сжимать зубы. За их спинами писались не менее безобразные картины.

– Эй, куда спешим? – закричал высокий худощавый воин, который остался без шлема и лоскута кожи на виске. Его длинные русые волосы облепили лоб и шею. Он спокойно шёл на противника, сжимая в руках меч и щит.

У рыцаря не хватало глаза – дела давно минувших дней. Да только воин научился вести бой, не сетуя на столь значительный недостаток. В сражении ему до сих пор не было равных.

– Куда собрался, трус? – повторил вопрос худощавый. Мужчина гордо поднимал голову, раздувая ноздри. Процедив фразу, он сжал губы в тонкую полоску, что побелели носогубные складки.

– Это ты мне, а, гнида навозная? – переспросил противник, оборачиваясь на голос. Его выправка говорила о родовитой крови, которая бурлила в жилах.

– Не спорю! – воскликнул противник. – Было время – покидал лопату-другую навозца. И скажу тебе – то были дивные моменты. Тебе их не понять. В то время когда я перекидывал кашки, качая тем самым мышцы, ты сидел на золотом горшке и сосал леденец.

– За такие вольности я выпотрошу тебя голыми руками! – спокойно заявил облачённый в металл противник. Он поиграл мечом в руке и направился в сторону рыцаря.

– Давай! – согласился одноглазый воин. Он отбросил меч в сторону и расправил плечи. Противник продолжал сжимать оружие и стоять против воина, с усмешкой качая головой.

Под громкий окрик звуки сражения стихли, и бойцы расступились. Раненые получили передышку и ползли с поля боя, от отчаяния беззвучно шлёпая окровавленными губами.

– Ну, что же ты? Струсил? С этого нужно было начинать, а не с боя, где погибли славные бойцы и простые ребята, – не унимался рыцарь.

– Решил научить меня жить, а?

– Ты – плохой король! – сделал вывод одноглазый.

– Эти высказывания я слышу от лорда, обирающего свой народ и государственную казну, а? – прищурился монарх. – Твоё счастье, что являешься наследным потомком. Давно следует это исправить. Думаю, тебе надо ещё поработать в хлеву. Может, тогда поумнеешь. Не тот силён, у кого крепки руки, – запомни это. Твои земли я отберу!

– Ты – алчный пёс. Да и трус к тому же! – гневно воскликнул лорд. – Бежишь с поля боя, оставив воинов погибать из-за очередной прихоти.

– Ни разу не оставил я свою армию. И тебе ли этого не знать. А ты, как я погляжу, только на словах смел. Прикрыл бойцов народом, которого настроил против меня. К чему этот заговор? Чего тебе не хватало, а?

Лорд усмехнулся и, сделав шаг навстречу противнику, отбросил щит в сторону.

Король протяжно вздохнул и отбросил меч. Моментально подбежал оруженосец, подхватив оружие.

– Ваше величество, разрешите сразиться мне? – обратился воин к государю. – Драться с изменником – дело чести! Я положу его голову к ногам великого правителя Северного королевства.

– Я сам! – спокойно ответил король.

Отбросив щит, государь вышел вперёд и кинулся на противника. Одноглазый воин удержался на ногах и пошёл в атаку. Противники сцепились.

Воины загудели. Жуткое зрелище – будто рог предвещал каждому страшный мгновенный суд.

Пока лорд восстанавливал дыхание и смахивал кровь, король бросился в атаку. Они упали, не разжимая смертоносных объятий. Лорд тряс противника за плечи, а тот сжимал неприятелю шею. Государь изловчился и подобрал валявшийся рядом меч. Припадая на колено, он поднялся на ноги и ударил противника в живот. Стоя над поверженным врагом, государь занёс руку для решающего удара, но лорд совершил кувырок и отскочил в сторону. Теперь уже противник находился у него под ногами. Лорд смотрел на короля, угрожая тому копьём. Гул со стороны рыцарей нарастал.

– Ваша милость, кончайте его, – послышался крик простолюдина. – Чего ждать? Пусть мы не уйдём отсюда живыми, но и его не оставим жить. Сколько крови нашей попил, налоги разные вводил, а теперь ему земля наша понадобилась. Всё мало – сколько ни дай.

– Да, скорее уже, милорд, торопитесь! – кричали мужи. – Не жалейте его, ведь он нас не пощадил.

Лорд опускал стальное жало, когда упал на противника.

– Короля убили! – закричал командир. – Не щадить изменников. В атаку!

Когда государя накрыла спасительная темнота беспамятства, над полем боя снова свистели стрелы, стучали топоры и мелькали копья. Воины кричали и бранились. Со всех сторон слышалось: «Ахх!», «Ооой...», «На тебе!», «Руби жирующих свиней!», «Будешь знать...», «Ааа...», «Получи!»

Наконечники стрел рассекали воздух, а тупые удары мечей тревожили слух. Топоры опускались на головы противников, безжалостно разрубая человеческую плоть надвое. Мечи рассекали кольчугу, нанося смертельные ранения. Под ногами хлюпала густая бордовая жижа, хрустели кости и лопались внутренности.

Народ воевал – как мог, а рыцари: походя и игриво. Уже не существовало различий между оружием и плотью. В задачу входило: схватить любой клинок и защищаться. Главное – отвоевать свободу, честь и флаг.

***

«Пленные-то ему теперь зачем? – рыцарь очнулся от воспоминаний. – Может, лорд был прав, и наш король не такой уж и справедливый?»

Юноша припомнил свой первый бой, в котором получил ранение. Он прыгал на ноге, опираясь на плечо седого воина в помятой на груди кольчуге. Пелена боли застилала глаза, но свободных рук не было, чтобы облегчить его страдания и донести до града. Большинство бойцов пало в сражении. Остальные тащили пленных и оружие.

Несколько бойцов несли истекающего кровью раненого. Он не был в обмундировании. То был король Максимиан I, которого затоптали во время сражения.

Конные мчались в замок, чтобы оповестить лекаря. Всадники въехали на мост, затрубив в рог. Этот звук разлетелся во все концы града, ударил в каменные стены, пролетел по улочкам и проулкам, отскочил от мостовой, залетел во все окна, распахнутые настезь, и вернулся с криками горожан. Люди выскочили из домов, забросив дела, чтобы встретить воинов.

– Вернулись! – кричали из толпы. – Слава королю!

– Где светлейший государь? – спросили двое дюжих молодцев, торопливо шагая из кузницы.

– Тише... тише, – прикрикнул на толпу рыцарь.

Всадники остановились посреди главной площади. Лошади били копытами, почуяв окончание военного похода. Самый крупный и озлобленный воин снова затрубил в рог, созывая народ ближе. Толпа не заставила себя ждать. Жители обступили бойцов. Мужчины ждали известий. Женщины со страхом взирали на вмятины и кровавые пятна на доспехах. Зато детвора с завистью осматривала всадников и их великолепных коней. Самые маленькие цеплялись за юбки матерей и прятались в складках грубой материи.

Среди толпы мелькнула бледнолицая женщина, с узкими глазами и тёмными тяжёлыми косами. Она вела девочку и малыша, который грыз яблоко. Женщина подтолкнула детей впереди себя и промокнула передником влажный лоб. Девочка разглядывала воинов, которые всем своим видом сулили защиту и помощь. Она, должно быть, гордилась королём, потому что ей с детства прививали любовь к правителю и государству. И потому на детском лице читалась радость

– Слава королю! Слава королю! – шептала девчушка. Она трясла тонкую косичку и ладошкой заслоняла глаза от солнца. – Слава воинам! Да храни их Всевышний!

Её дыхание замерло, когда рыцарь подмигнул. Малышка ликовала, что в большом граде, где она жила, по улицам знатные воины скакали на красивых жеребцах. Она улыбалась и следила за рыцарем, который отдавал распоряжения солдатам.

Всадники тронули коней. Один из рыцарей улыбнулся детям. Он на ходу снял шлем, сдавливающий разбитую голову, и сжал его подмышкой. Его волосы слиплись на макушке, где запеклась кровь. Мужчина потрепал гриву коню, направляя того вперёд. Боец, ехавший следом, сорвал с руки смоляную кожаную перчатку, махнул в сторону народа и выкрикнул несколько слов. Толпа загудела. До людей стал доходить смысл известия, но их сразу же погнало по домам, не давая возможности переговорить между собой.

Вскоре мост снова опустился, чтобы пропустить воинов. Их плащи, обсидианового цвета, свисали лохмотьями, а плюмажи на шлемах повисли неприглядными перьями.

Меченосцы прошли первые. Копейщики несли раненого короля. Тот не издал ни звука, и только бледное лицо и мутный взгляд выражали боль.

– Довольно! – захрипел государь, содрогнувшись от очередного болевого приступа. Он заметил, как завершили колонну вольные всадники и знаменосец.

Воины остановились, но не выпустили импровизированные носилки из рук.

– Милостивый государь, мы уже на месте, – позволил себе вольность заговорить один из бойцов. – Ещё немного и Ваше величество сможет отдохнуть. Лекари уже ждут нас.

– Оставь, Яхон, – прошептал король. – Не нужно меня трясти.

– Ваше величество, нужно торопиться, – возразил воин, склонившийся над королём.

К ним спешил лекарь со склянками в руках.

– Ваше величество, – завопил он, – сейчас, сейчас.

– Отстань, Прохор, не до тебя... мне, – беззлобно произнёс монарх. Он лежал в крови, но выглядел гордо, не давая окружающим шанса думать о нём как о немощем существе. – Слушайте сюда! Яхон, ты... лишил жизни этого вора, и его землю... я жалую тебе. Велю... писарю... издать указ о присвоении тебе... титула лорда! У нас ведь так принято, а? Лорд Герберт – звучит величаво! А, парни, верно, говорю? Я рад, что предыдущий землевладелец не успел... оставить после себя наследников. Думаю, они... пошли бы... в отца, и продолжили... тёмное дело.

Король пытался улыбаться, рассматривая склонившиеся над ним лица верных воинов. Но из улыбки получался жуткий оскал перекошенных болью губ, которые открывали взору окровавленные зубы. Его зрачки постепенно бледнели, но взглядом он перебегал с одного мужественного лица на другое и улыбался

Первым в себя пришёл новоявленный лорд.

– Благодарю, Ваше величество! Буду служить верой и правдой! Свою вотчину очищу от беззакония.

– Ну..., ты смотри... там, Яхон, без вольностей, – слабо пожурил король молодого феодала. Тут же по его лицу прошла судорога боли, и он выпустил струйку крови из немеющих губ.

– Сейчас, мой государь, сейчас, – бормотал Прохор, вливая янтарную жидкость из склянки в рот монарху. – Да, да, вот так. Ага, молодец, мой государь. Вот, теперь нужно поспать. Несите, молодцы, несите скорее его величество в покои. Скорее же, воины, торопитесь.

Седой лекарь бегал вокруг носилок и причитал. Он склонялся над королем, потом вглядывался в лица уставших солдат, подталкивая их двигаться дальше. Воины смотрели на монарха и не двигались с места.

«То была страшная битва. Она не просто запомнится, а войдёт в летопись Северного государства!»

Часть 1. Тайны Северного государства

Глава 1

Королевский тракт близ Нордвинда. 1100-ый год.

Путник следовал по заснеженной тропе верхом на чудесном арабском скакуне и презрительно осматривал сонмище лицемеров, которые скакали впереди на менее породистых лошадях. Его плечи подрагивали, будто промёрз, а из ноздрей вырывался пар, не хуже, чем у чёрного, как безлунная ночь коня под ним. Его совершенно не вдохновила охота, на которой он только что побывал. И резвого кабанчика не поймали, и напились, что разболелась голова. Всё чаще ему нездоровилось. К тому же прибавилось забот из-за предстоящей свадьбы, которую он не желал всем своим жестоким сердцем. Никого он не жаловал, но приходилось играть свою роль и улыбаться там, где в пору плакать.

Король чуть повёл головой в сторону, чтобы посмотреть от чего конь начал прядать ушами, и увидел маленького зайца, пересекавшего тропу. До недавних пор, он не задумываясь, пустил бы в него стрелу, – но не теперь. Что-то в нём будто оборвалось и ввергло в жуткую апатию. Заяц умчался вглубь леса, а Максимиан II перевёл взгляд грустных карих глаз, опущенных рыжими ресницами, на свиту, что двигалась впереди.

Придворные дамы в соболиных мантиях восседали на низких кобылках, свесив ножки на левую сторону. Сбросив глубокие капюшоны с красиво уложенных волос, они смеялись над шутками знатных лордов. Отчаянный флирт обязательно должен перерасти в нечто большее, чтобы скрасить досуг. Уже вечером пары уединятся где-то на просторах мрачного замка. Их сладкие стоны будут разноситься эхом в разные концы длинных тоннелей тёмных коридоров. Но это всё позже, после сытного чревоугодия. Пока что они двигались вдоль леса, где высокие голубые ели, укрытые плотным слоем снега, теснились с соснами и пихтами, что даже днём было темно, будто ночь не собиралась покидать это место, храня под своим покровом множество тайн и интриг. Но нет, шёл всего-то первый час пополудни.

Морозец румянил щёки путников, немного окрасив и мочки ушей. Зато воздух подкупал свежестью, по сравнению с градом, где среди густонаселенных улиц прятался замок. Там и зимой стойкий запах нечистот и продуктовых отходов въедался в каждую пору кожи.

Максимиан II глубоко вздохнул отточенными природой ноздрями длинного острого носа и улыбнулся своим мыслям. Удерживая поводья одной рукой, и мерно раскачиваясь в седле, вторую приподнял и зажал большой палец в ладони, потирая его остальными. Эта привычка осталась с детства. Когда нянюшка отчитывала его за перепачканные руки, называя это несносной шалостью, а окружающие с усмешкой смотрели, малыш старательно вытирал каждый пальчик. Эти воспоминания повергли взрослого мужчину в уныние, ведь он давно прогнал мысли о детстве. Ни к чему суровому королю сантименты. Отогнав видения, он вспомнил свою наречённую, которая не смогла отправиться на охоту.

«Строптивая девица, но красивая. Это радует!» – подумал король.

Ему уже порядком надоела скучная езда и, ударив скакуна в лоснящиеся бока пятками, припустил вперёд. За ним метнулись ратники, на шлемах которых мелькали белые перья.

Его темно-синий, почти чёрный плащ, подбитый белоснежным мехом песца, развевался на ветру, полами норовя скинуть лук и колчан со стрелами, что подрагивали за плечами. Всадник приподнимался в седле, что слетел капюшон с его головы, и открыл взору кудрявую ярко-рыжую шевелюру до плеч. Он потрянул головой, смахивая упавший на глаза локон. Поравнявшись с одной из знатных особ, которая дарила улыбки во все стороны, король свесился с седла и, наклонившись, поцеловал девушку в румяную щёку. Кокетка рассмеялась. Горное эхо мгновенно

венно вернуло этот дивный звук, и уже смеялась вся свита. Даже охрана, что скакала близ короля, и то улыбнулась.

– Да, наш маленький король характером не в отца. Эх, пятнадцать лет прошло с того дня, как погиб наш государь. Не у кого мальцу поучиться уму разуму, не с кого брать пример.

Разговор случился меж лордами, которые следовали позади шумной процессии. Они наслаждались прогулкой по королевскому лесу и беседой. В такой обстановке обсудить лучше всего не важные дела государства, а обычные житейские пустяки. А ведь эти мужчины не последние люди в замке. Советники короля пребывали в почёте при отце Максимиана II, но когда тот погиб, на престол взошёл его наследник – старший сын. Пока мальчик рос, государством управляла королева. С тех пор правила не изменились, и оба лорда остались на службе у молодого монарха или маленького короля, – как советники его называли за глаза, исключительно между собой.

– Я сам удивлён. Он уродился жестоким и упрямым, – собеседник повернул голову в сторону приятеля.

Тот смотрел вперёд и о чём-то думал. Как только свита скрылась, лорд заговорил. Между мужчинами царили доверительные отношения, а крепкая дружба – это редкость в королевском замке, где каждую секунду чинился заговор.

– Здоровье у него тоже не в отца, – поделился соображениями лорд. – Совсем слаб. Может и жесток он от недомогания.

– Да, я был рядом, когда с ним случился приступ два дня назад. Жуть. Я за лекарем ходил. Маленького короля ломало, но эскулап быстро пустил кровь. Может, ты прав, от болезни он ожесточился. Но всё-таки это не оправдывает его поступков.

– Соглашусь. Ему бы пример брать с Максимиана I, – размышлял лорд.

Советники замолчали, миновав основную тропу меж ельника. Обогнув выступ скалы, всадники направились в сторону ворот. Их лошади были немолоды, и, медленно ступали, погружаясь по колено в снег.

– Посмотри, ты испортил плащ.

Собеседник повернул голову и, осмотрев край чёрного, цвета герба, плаща, укрывающего бок лошади, состроил гримасу сожаления.

– Жаль! – воскликнул он. – Совсем новая вещь. Ну, ничего, что же теперь унывать?! А, братец?

В ответ приятель улыбнулся краешком губ и коснулся застёжки на плече, глубже запахнув ворот плаща, скрывающего верхнюю тунику.

– А помнишь, Бенджен, как наш славный прежний король поднимал град? Уважал он каждого лорда, рыцаря, бедняка, вассала. Ведь всем помогал. В те времена он считался лучшим правителем. Когда-то создал Северное государство почти из ничего, – задумчиво обратился к приятелю советник. Его худые ноги, обтянутые тёплыми штанами, заправленными в длинные до колен сапоги, с напряжением сжимали бока кобылы.

– Верно, Сотик! – согласился с каждым словом приятеля Бенджен. – После кончины батюшки Максимиана I, который проводил дни в пьянстве и лени, на престол взошёл его сын – Максимиан, двадцати двух лет от роду. Всё что ему досталось в наследство – это проржавевшие крепостные ворота, полуразрушенная башня со стороны западного входа и две маленькие деревни. Наследник оказался цепким парнем с острым умом, и не чурающийся грязной работы. Вместе с простолюдинами правитель от зари до тёмной ночи трудился плечом к плечу, восстанавливая свои владения. Я до сих пор, пусть и в воспоминаниях, но преклоняюсь пред его силой воли!

Они уже подъехали к воротам, но, не сговариваясь, остановили лошадей и посмотрели друг на друга. Капюшоны слетели, обнажив лысеющие затылки, но мужчины не обратили на это внимания, как и на порхающий снежок.

– Его уважали феодалы! – поддакнул лорд Сотик. – Они спешили прийти на помощь, чтобы в дальнейшем заручится поддержкой этого подающего большие надежды на благоразумное правление короля. Медленно, но верно, по камню шло строительство града.

– А помнишь, государь набрал новое войско, потому что старые воины были абсолютно не годны для службы в королевской армии и много пили? – с теплотой во взгляде улыбнулся лорд Бенджен, стряхивая с полукруглого подола плаща несуществующую соринку. – И пока бойцов обучали военному делу двое более адекватных солдат, король строил своими руками царские покои. С тех пор, за всё время правления, никогда о нём не было произнесено дурного слова. Всё шло хорошо, и град процветал, а войско наводило страх. Государь был строгим, но справедливым. Он не давал спуска своим рыцарям, и они из юнцов превращались в закаленных мужей.

– Да! – вздохнул собеседник и посмотрел на тусклое небо. – У него ладони в кровавых мозолях, а он улыбался. Я всё помню, милорд. Как мы таскали камни для главной стены замка, как рыли ров позади разрушенной башни, как рубили кустарники из донжона и ладонями черпали нечистоты из залитого подвала.

– Да уж, – улыбнулся Бенджен. – И после пили кипяток, чтобы согреться. А наш король сидел рядом и запевал песню с нищим, который приبلудился...

– Помню. Он ещё ему клочок земли пожаловал, – перебил лорд приятеля, – и бревенчатую избу вместе с ним отстроил. Хороший был у нас король! Всё что сейчас видим – благодаря его сметливости и упорству. Будет низко, если малец всё это разрушит.

– Сотик, я вот вспомнил, как мы пускали стрелы в отряд странников, которым захотелось лёгкой добычи. А ведь отбили мы тогда замок, а приятель?

– Всё верно, – согласился Сотик. – После этой битвы пошли слухи об отваге нашего короля. А потом, когда молодые холопы пришли записываться на службу, ведь не погнал их наш король. Сам обучать взялся военному делу. А помнишь, как он тогда радовался как ребенок?

– Было дело! – ответил собеседник и накиннул на голову капюшон.

Советники замолчали, поглощённые воспоминаниями давно минувших дней. Лошади перебирали ногами и фыркали. Лорды не сговариваясь, посмотрели на высокую стену каменного забора.

– Хорошее тогда было время! – нарушил молчание Сотик. – Самодержца нашего боялись лорды, слушались герцоги и уважали вассалы, почитали бароны других государств.

– Правда, мой верный друг, – согласился Бенджен. – Теперь не то. Боюсь, натворит лихих дел наш маленький король. А то и вовсе не успеет обзавестись наследником.

– Не думай об этом, Бенджен, не думай. Будем верить, что женится и смягчится. Нрав крутой будет направлять на энергию для супруги. Дева молодая, крепкая, красивая. При грамотном подходе нарожает кучу ребятишек.

– А что, я согласен с тобой, приятель! Девушка она интересная, и к тому же завидная невеста. А какой выгодный союз для нашего королевства с восточной империей. Только бы торжество прошло без выходок мальчика, – тихо добавил собеседник. Он пришпорил коня и поехал к воротам.

– Колоссальная выгода, – согласился лорд, догоняя приятеля. – Их недра полны различных дорогих пород.

– И то верно. Взамен они могут заручиться нашей поддержкой в военном деле. По могуществу только восток и соперничает с нами. Про юг и говорить нечего, они там слишком изнеженные. Наши барышни резче будут.

– Правда, милорд! Ну да поспешим, заждались нас верно, в замке-то.

Они направили коней во ворота, когда Бенджен ухватил вторую лошадь за поводья и потянул на себя. Кони остановились.

Сотик изумленно взглянул на приятеля.

– Милорд, как считаешь, не нужно ли открыть тайну, которую храним вот уже пятнадцать лет? Есть время, пока Максимиан II не разрушил столь мощного королевства. Крепостные стены крепки; но сам знаешь, не навсегда.

– Я задавался этим вопросом уже не раз, – ответил Сотик. Он сжал поводья замёрзшими пальцами, а второй рукой потрепал лошадь по загривку. – Считаю, стоит нам немного подождать. Голову положить на плаху всегда успеем, а что-то исправить потом не сможем.

– Ты прав. Подождём. Приятель, за воспоминаниями, я старый пень, позабыл, что совершенно для нас недопустимо, обсудить с тобой ещё один, более важный вопрос, – пояснил Бенджен. Они торопились обговорить все темы, пока не оказались в стенах замка, где всюду чужие глаза и уши. – Всё же я озадачен тем, как странно погибли рыцари и знаменосец. Это не иначе как проделки дьявола.

– Я тоже не могу понять: как трое здоровых, здравомыслящих воинов могли покончить жизнь самоубийством. Грех-то, какой. Церковники в ужасе. Монахи день и ночь молятся, – встревожено пояснил Сотик.

– Я думаю: завтра по вечеру стоит собрать небольшой отряд и самим объехать местность, – предложил лорд, вздрагивая.

– Что делать ещё?! Я согласен.

Советники направили лошадей дальше. Через мгновение решётка за их спинами опустилась. Всадники спешили и передали поводья конюху, вышедшему навстречу.

Глава 2

Он устало передвигал ногами и вёл под уздцы взмыленную лошадь – странный путник в потрёпанном коротком плаще без эмблемы, относящей его к какому-либо роду, и в надвинутом на глаза капюшоне. Не проронив ни слова, чужак протянул поводки маленькому конюху. Мальчик повёл уставшую лошадь в длинный сарай, чтобы напоить и почистить.

– погоди, – окликнул его путник.

Парнишка лет десяти, в латаном войлочном кафтане не по размеру, обернулся и взглянул на мужчину.

– Вы передумали, милорд? – обратился мальчик.

Всадник подошёл ближе к ребёнку и ухватил его за обветренную мозолистую ручонку. Конюх отпрянул, но незнакомец не отпустил его. Он разжал детскую ладонь и положил на неё монетку. После этого странник развернулся и уверенно направился к двери таверны, но не удержался и обернулся. Парнишка удивлённо переводил взгляд с ладони на чужака, и обратно – с незнакомца на монету.

– спрячь, – посоветовал путник и, ссутулившись, приблизился к трактиру, на вывеске которого была изображена куропатка.

Когда он толкнул дверь и зашёл внутрь, мальчик опомнился и расстегнул кафтан. Приподнимая верхнюю рубаху, освободил карман широких замусоленных штанов и осторожно опустил монету в его недра, предварительно проверив, без прорех ли тот.

– Потом перепрячу, – пояснил мальчик коню и повёл его в стойло, когда за мужчиной захлопнулась дверь.

Как только странник оказался в трактире, на него повеяло теплом и едой, обещавшей быть вкусной. В помещении оказалось светло. По периметру залы, вдетые в железные ободки, чадили большие сальные свечи, которые исправно менялись хозяином. Здание было деревянное и довольно маленькое. На стенах вплотную висели выделанные кожи животных – видно хозяин любит охотиться. В центре комнаты находился прямоугольный очаг, который служил обогревом, и в то же время кухней. На вертеле жарился барашек, с которого жир капал в очаг и шипел. Над огнём его крутил хозяин этой богадельни.

«Вот от чего такой аромат!»

На скамье сидели несколько разомлевших оруженосцев и горланили непристойные песни. Один человек сидел поодаль, ел тихо, и выглядел вполне приличным. Он довольно недружелюбно посмотрел на вошедшего посетителя, заметив у того сбоку меч.

Странник перевёл взгляд на деревянную лестницу. Если первый этаж занимала таверна; наверху, надо полагать, находились спальни. Это комнаты для тех, у кого есть хотя бы грош в кармане для приличной постели.

Сама таверна сносно обставлена, что позволяло усталым путникам отдохнуть с дороги, укрыться от непогоды и переждать несколько дней, если того требуют обстоятельства. Чаще всего, конечно, это были бродяги, пьяницы, которые редко держали монеты в руках.

Посетитель, стоя у двери, сощурил бледного цвета глаза. Белесые зрачки смотрели пристально, словно проникали вглубь сознания. Осмотревшись, он оценил обстановку не сдвигая капюшона; и лавируя между деревянными столами, наставленными близко друг к другу, прошёл к свободной лавочке возле стойки.

Хозяин в это время оттирал масляное пятно на столе и наблюдал за посетителем из-под седых лохматых бровей. Длинный чуб прятал выражение его глаз. Но этот человек всегда был настороже – рядом с ним на крюках, вбитых в стену, висела рыба; а внизу стояли бочки с солониной и мочёными яблоками; да и позади стойки находилась маленькая дверь, за которой скрывались ступени в погреб и кладовую.

Незнакомец сел на скамью и положил сцепленные ладони на чистую столешницу. Он не обращал внимания на собравшуюся в этом заведении публику, которая сразу же потеряла интерес к нему. Завсегдатаев больше занимало пиво в широких деревянных кружках; да жаркое из бобов и цыпленка, щедро приправленное солью и жгучим перцем. Они поднимали взгляды от мисок лишь за тем, чтобы хлебнуть пенное пойло и перекинуться парой слов с собеседником. Это было на руку путнику. Он смотрел на свои озябшие ладони и спокойно ждал, когда хозяин подойдёт к нему. Чуть подождав, незнакомец всё же бросил несколько медяков на стол и заказал себе пива с куском жёлтого сыра.

– Ничего, что у нас шумно? – обратился рослый бородач к гостю, когда закончил оттирать пятно со стола и приблизился, чтобы выполнить заказ. Он будто извинялся перед посетителем, оценив его платежеспособность. Выходит, это более важный гость, чем те, которые выпивали за столиками. Они с азартом кидались куриными косточками и смеялись, брызжа во все стороны слюной. – Обычно у нас более приличные постояльцы. Но сейчас мороз и снегопады, и путешественников меньше. Только королевские гонцы заезжают, да одинокие странники, вроде Вас. У нас вообще-то чистые постели и свежая похлёбка: если что. Есть такие комнаты, где постояльцы спят на матрацах на полу, но этот случай не про дорогих гостей.

– Переживу, – только и ответил путник.

– Надолго к нам? – заискивающе спросил хозяин таверны. – Саварус к вашим услугам. Так сколько дней поживёте?

– Посмотрим, – невозмутимо ответил странник, поворачиваясь боком, чтобы лучше осмотреть помещение.

– Я понял. Вы пока осмотритесь, а я рагу подогрею. Кухарю на случай важных посетителей. Каждый день готовлю в надежде на гостей, – расшаркался Саварус, пытаясь угодить милорду. – Очень даже ничего кушанье удалось. А пиво я подогрею и добавлю щепоть пряностей. В промозглую погоду самое то.

Постоялец не ответил, на что хозяин кивнул и поспешил выполнить обещание. Мимо него проскочили два мальчика в длинных рубахах и мешковатых портах, охваченных вокруг ног полосками грубой ткани вместе со стоптанными башмаками. Ребята ловко принялись убирать со стола за тремя постояльцами, которые шатаясь, и поддерживая друг друга под локти, поднимались на второй этаж по скрипучей лестнице.

Странник отвернулся и потянул носом, втягивая смесь запахов. Перегар заглушал запах горелого хлеба и чеснока. Только он настолько устал и проголодался, что амбре нисколько не смущало. Путника больше заботил вопрос: кто же за ним следил от развилки между градами. Он и свернул в эту сторону по большой случайности; но теперь выход один – подловить того ловкача. Пока есть немного монет с изображением грозного амарока, можно себе позволить поесть горячей пищи и выспаться в тёплой постели, пусть и с блохами – не суть.

Опираясь локтём о стол, мужчина подпёр голову кулаком и продолжил рассматривать трактир. Нет, это не первое заведение подобного рода, которое он посещал. Но на постоялом дворе близ огромного града, который своей мощью и крепким войском был на устах чуть ли не у всех обитателей земного шара, – странник был в первый раз. Отсюда легко добраться вдоль королевского тракта до града, где за определённую плату можно пройти главные крепостные врата.

– Парень, ты на ночь останешься? – вывел его из задумчивости хриплый женский голос.

Посетитель обернулся и встретился взглядом с усталым взором хозяйки таверны. Женщина в длинном сером платье из грубой ткани и такого же цвета платке, скрывающем волосы, шла в его сторону с миской зелёных поздних яблок. Она поставила блюдо в центр стола, вопрошительно взглядываясь в лицо, укрытое капюшоном.

– Посмотрим, – уклончиво ответил незнакомец.

– А чего смотреть? – удивилась женщина, вытирая миску. – Более приличного ночлега тебе не отыскать во всей округе. Тем более на дворе холодно. Ночи у нас часто совсем безлунные. Темень кругом и страх. Оставайся. За постой малость берём; зато согреешься и выплещешься ужель наверняка.

– Огонь расходуется не верно, – молвил путник. – Много древесины – плохо. Пожар всё выжжет.

Женщина подняла взгляд и посмотрела внимательнее на этого странного юношу, напоминавшего старика. Она перестала протирать посуду, отложила тряпку в сторону и, навалившись грудью на стол, ближе подобралась к нему.

– Ты – учёный? – удивилась она.

– Много повидал, – односложно ответил он.

– А что ещё у нас не так? Седрик, баранья твоя кочерыжка, куда котелок поволок? – отвлеклась хозяйка и, соскользнув со стойки, на которую опиралась, направилась к мальчугану.

– Вот горячее пиво, милорд, – важно пояснил хозяин, приближаясь с кружкой, над которой витал пар.

Горьковатый аромат с тонким шлейфом пряной гвоздики вызвал в желудке путника громкое урчание. В этот момент Саварус водрузил кружку на стол рядом с миской яблок. Он пытался отдышаться, отирая влажный лоб лоскутом ткани, извлечённым из кармана; но тут заметил, что сын опрокинул котелок с похлёбкой на пол и, спотыкаясь, помчался в ту сторону.

Странник наблюдал: как мальчику отвесили подзатыльник, после чего ввалили под зад и отправили чистить в хлеву. Мальчик умчался, размазывая скатившуюся по щеке слезу.

– Я говорила тебе: не место ему в доме. Неповоротлив он, – кричала на мужа хозяйка. – А ты уверял, что осилит. Ну, надо же, вот ведь баранья кочерыжка.

– Молчать! – прикрикнул мужик.

В наступившей тишине второй мальчик ползал на коленях и скрёб жёсткой щёткой истёртый дощатый пол. Женщина, смиренно опустив руки в широкий карман выпачканного передника, направилась к таинственному посетителю. Она ловко наполнила глиняную миску рагу и поставила перед ним, гневно косясь в сторону супруга.

– Всё в порядке. Прошу прощения, – заискивающе улыбаясь перед завсегдатаями заведения, проронил хозяин таверны.

Посетители принялись хлебать тёплое пиво, заедая кашей, покрывшейся тонкой плёнкой жира – блюдо не было столь аппетитным после хрустящего цыпленка и бобов. Они возобновили спор, который грозился перерасти в привычную для этого заведения стычку. Хозяину не улыбалось быть вовлечённым в разборки, и он спешил удалиться.

– Мужики, предупреждаю: поломаете мебель, сдеру три шкуры, – крикнул он, отойдя на безопасное расстояние.

– Так о чём мы толковали? – раздался голос хозяйки над ухом путника, который наблюдал за происходящим, восседая рядом с пустым бочонком пива. Он повернулся к ней вполборота.

– Недавно владеете заведением?

– Как ты догадался? – хитро прищурила глаза женщина.

– Только невежды оставляют вывески болтаться на гвозде у двери. На фасад дома подняли бы, – пояснил, отрывисто выделяя фразы странник.

– И то верно! А ты, я посмотрю, не промах. Видно, что странствуешь. Так может, осядешь у нас? – предложил хозяин трактира, меняя бочонки и прислушиваясь к разговору. – Я дело тебе быстро определю.

– Не стоит, – медленно проговорил путник. – У каждого своя дорога. В каждом из нас заложен определённый смысл.

Он взглянул на хозяйку, которая нарезала крупными ломтями свежий хлеб грубого помола. Рядом лежал небольшой кругляш жёлтого пористого сыра.

– А чего ты давеча об очаге толковал? – спросила женщина, ловко разрезая сырную головку на равные половины.

– А что я толковал? – переспросил юноша.

– Что расходует неправильно огонь, – ответила хозяйка и подала гостю нарезанный сыр.

– Тут и так всё понятно, – начал странник, не притрагиваясь к еде. – Помещение небольшое и бревенчатое. Если полыхнёт, поджаритесь как эта птичка на вывеске. И ещё: как в лучших постоянных дворах, следуй простому правилу – запирай дверь на закате, а с рассветом встречай гостей. Тогда заслужишь уважение; и не придётся расшаркиваться перед сбродом.

– О, как! – всплеснула руками хозяйка и посмотрела на странника.

– Умный ты малый, милорд! – восхитился трактирщик. Он посмотрел на убранство своего заведения и покачал головой. – Иди вон за тот стол, где чисто. Хозяйка ужин туда принесёт.

Странник кивнул. Он медленно направился в самый угол, близ входной двери, где стоял у окна свободный стол. С этого места хорошо просматривалась вся зала. Чужак расположился, не издавая своим присутствием ни малейшего шума.

Хозяйка изучала странного незнакомца со своего места. Он не снял с головы капюшон, и рассмотреть: кто перед ней, не представлялось возможным. На вид это был молодой парень, а по усталому взгляду печальных глаз, можно подумать, что перед ней старец. В его голосе звучало столько тоски и одновременно мудрости. Женщина отметила, что был чужак среднего роста, но крепкий и широкий в плечах. Иногда он забывался, и вместо гордо поднятой головы, сутулился будто старик. И одежда на нём потёртая, но деньги в кармане водились – это хозяйка определила сразу. Слишком уверенно держался. Но точно перебивался разовыми заработками – отсюда и жалкий внешний вид. Плащ обтрепался по подолу и имел несколько заплат бурого цвета. Он давно не застёгивался на плече красивой брошью, а стягивался гвоздём, вдетым в петлю. Из-под плаща торчала льняная рубаха чёрного цвета, и до пят спускались грубые полотняные порты. Это всё, что могла рассмотреть женщина. Она собиралась отнести нехитрый ужин для этого загадочного человека, но замешкалась. Её супруг в это время осматривал заведение.

В доме действительно было много дерева для большого очага. Опасны и свечи, которые отбрасывают причудливые тени и роняют тёмные потёки по необструганным дощатым стенам. Когда посетители уходят, хозяевам приходится скрести эти застывшие восковые фигурки. Да и отверстия в крыше нет, чтобы уходил дым. Саварус наивно полагал, что тот выветривается в щели входной двери. При этом маленькие окошки он открывал редко, чтобы не выстудить помещение.

«Да, милорд прав, – подумал трактирщик, потирая заросший подбородок. – Сгорим, как есть сгорим. И постояльцев угробим. Дери меня, лютый амарок. Что же делать?»

Пока хозяин сетовал на свою нелёгкую долю, его жена подала ужин страннику и отправилась мести полы в кладовой. Между завсегдатаями назревал конфликт, и они перешли на повышенные тона, оскорбляя друг друга. Чужак был голоден, но жевал медленно, прислушиваясь. Вот хлопнула дверь, и в помещение ворвался стылый сухой воздух. Парень насторожился, когда рядом мелькнул силуэт невысокого худого мужчины в длинном плаще. Капюшон скрывал верхнюю часть лица, открывая взору гладко выбритый подбородок и пышные усы. Посетитель юркнул за его стол, расположившись напротив. Он заметно нервничал, пряча руки в длинных рукавах.

– П п ооо зз волите? – заикаясь спросил незнакомец.

– Да вроде уже сидишь? – грубо ответил парень. Он встал из-за стола и бросил на него корамар.

Монета, на которой с одной стороны изображён амарок с оскаленной мордой (герб короля), а с другой – лицо старого монарха – застряла в щели щербатой столешницы. Стран-

ник, не оборачиваясь, направился к двери, одёргивая плащ. Сбоку о бедро тёрлись кожаные ножны, удерживающие длинный меч.

– Милорд, ты куда? – закричала хозяйка, бросившись вдогонку. – А ночлег?

– Я передумал. Слишком тесна «Куропатка», – резко ответил он и вышел в морозную темноту.

Парень надеялся, что незнакомец последует за ним для разговора. Нет сомнений, что мужчина вознамерился предложить ему временный заработок. В таком случае светиться среди малочисленной публики таверны им ни к чему. Всегда найдётся тот, кто острее слышит, дальше видит, и делает правильные выводы.

Глава 3

Кухня, занимающая самое большое место в замке, с рассветом оживает первой. Начинают суетиться повара, ночевавшие близ очага. Уплетая на ходу ломоть вчерашнего хлеба, они стучат тяжеленными котлами, водружая их на небольшую тачанку. Толстый рубщик мяса помогает им разжечь огонь в очаге, и торопится вернуться на рабочее место. За его спиной на крюке висит заяц, которого необходимо освежевать. Тушка истекает кровью на пол из серого камня. Таким же необработанным камнем недавно обложили и стены. После третьего пожара, который полностью уничтожил кухню из древесины, помещение долго ремонтировали. В тот непростой момент взмыленные повара метались между улицей и соседней таверной, где они готовили основные блюда. Воду приходилось кипятить на улице над кострами. Там же палили тушки каплунов и коптили свинину. В кострище помещали обмазанных глиной белок и ежей. Все яства готовились для государева стола с особой тщательностью. И это достаточно выматывало кухарок. Зато когда новая кухня с очагом в центре была готова, да с отверстием для выхода дыма, челядь пританцовывала, громко стуча стёртыми подошвами башмаков. Теперь многочисленные слуги, едва поднявшись и глотнув затхлой воды, сразу приступали к обязанностям, толкаясь локтями. От очередного тычка у повара́нка изо рта выпал ломоть хлеба, когда он натирал солью крупную рыбу. Носившийся по кухне пёс схватил его и мигом выскочил за дверь. Мальчишка топнул ногой от досады и продолжил занятие. В глубине души мечтал он стать отважным рыцарем, чтобы навсегда покинуть кухню, стены которой были постоянно влажными от клубившегося пара. Он ловко орудовал ножом, вычищая рыбы потроха, а сам представлял, как сражается мечом с крепким противником. Мальчик понимал, что это всего лишь мечты, и от досады едва сдерживал слёзы. А теперь сделалось обидно, что уронил ржаной ломоть и остался без еды до самого вечера.

Хлеб на королевской кухне не выпекали вовсе. Его поставляла в замок булочница. Каждое утро она волокла на спине мешок с ароматной горячей выпечкой, а в руках корзину булочек с чесноком, которые так полюбились государю.

Её семья в Нордвинде славилась самой лучшей хлебопекарной лавочкой. Там продавались плетёнки с маком и шарики с изюмом, булки с тмином и ржаные хрустящие хлебцы, пшеничные лепёшки и горчичные крендели. Большинство знатных жителей поутру спешили купить булку-другую у этих трудолюбивых, скромных людей.

Выпечка с золотистой корочкой и зарумяненными боками так и манила. Удержаться от соблазна не могли даже вышколенные повара королевской кухни. Каждый раз, когда доставлялась партия свежего хлеба в замок, они тайком делили дышащий ржаной кругляш и мгновенно съедали под страхом казни за самоуправство. И так продолжалось изо дня в день в одно и то же время.

***

– Стой, кто идёт! – выкрикнул стражник.

– Господин, я хлеб принесла, – тихо, но мелодично произнесла девушка, что у стражника закружилась голова. Он покрутил ею и кивнул в сторону града.

– Подождём колокола, – распорядился стражник. – Раньше времени мост никто не опустит. Рановато ты сегодня.

Девушка улыбнулась и отошла в сторону.

«Нынче на посту Хот, – размышляла она. – Хороший человек, дружелюбный. Завтра будет противный Фриим. Этот всегда досматривает с особой тщательностью и норовит ущипнуть за ногу. Бука».

Пока булочница вела мысленную беседу с собой, подходили люди и готовили монеты, чтобы попасть в Нордвинд. Торговцы торопились на ярмарку. В их корзинах источали приторный аромат поздние лесные ягоды и яблоки. Кому-то было необходимо посетить часовню. Эти люди стояли в стороне и возносили тихую молитву небесам.

Те, кто жил в граде и близлежащих деревнях, у крепостных стен за вход не платили. Мост, ведущий к воротам, поднимался каждый день на закате. Если уж опоздал, ищи ночлег на постоялом дворе, а в град попасть можно будет на следующий день. Весь периметр тщательно охраняли, и беспрепятственно опустить подвесную дорожку не мог никто кроме караула градских стражников, которые менялись на посту каждый десятый звон колокола. Отбивали его каждую четверть часа. Сменившиеся стражи шли на запруженные людьми улочки и следили за порядком.

А пока что люди дожидались пропускного контроля и осматривали друг друга. Тяжёлый запах пота давно немых тел вызывал тошноту. Спасала положение свежесть морозного утра. Было довольно зябко.

Женщины в истоптанных башмаках на босу ногу дрожали от холода. Они кутались в толстые потрёпанные шали, наброшенные на голову и плечи поверх длинных платьев из грубой ткани, и устало вздыхали.

Мужчины переговаривались между собой и почёсывали бороды. Им было теплее. Широкие порты, заправленные в сапоги из грубой кожи, прятались под длинными холщовыми рубашками. Линялые войлочные безрукавки, распахнутые на груди, надевали они больше для солидности, нежели ради тепла.

Воры стояли поодиночке и присматривались, оценивая по одежке жертву своего ремесла. Жулики мысленно усмехались и норовили на месте обмануть доверчивых людей.

Гости рассматривали высокие каменные стены града, который собирались посетить, и поражались его величию.

За громадой королевского замка и горами, солнце лениво отбрасывало блики. День обещал быть тёплым, да и начинался миролюбиво. Однообразные будни, где бедняк пытался заработать корамар на жизнь, а богач прожигал бытие в праздности. Лень не позволяла ему в такой ранний час выйти на улицу, хотя за запертыми крепостными воротами началась утренняя суета.

Однако прежде чем гости окупятся в суматоху, преодолеть расстояние по мосту над болотистым рвом. От разинутой пасти пропасти, до половины заполненной жижей, клубился туман, расплываясь в разные стороны, и оседая на лицах кристалликами влажной росы с примесью тяжёлого духа тины.

Нордвинд, притихший вдали, своим величием наводил благоговение и страх: царили там суровые законы. Люди старались не нарушать правила, дабы не быть повешенными на малой площади Грешников. Зато с удовольствием смотрели на казнь и осуждали обречённых.

Такова жизнь. Она кипит своей деятельностью и продвигает вперёд. Вот и на месте сборов нарастал гул голосов: люди выражали нетерпение. Вскоре на том конце послышался скрип опускаемой решётки. Лязг огласил округу натягиванием толстых колец больших крепких цепей, которые держали деревянный трап.

Люди воодушевились. Немного времени, и конец моста опустился, сливаясь с ухабистой, подмороженной травяной порослью земли. Девушка с мешком хлеба посмотрела на рыцаря.

Воин направился в сторону толпы на вороном жеребце. Он приветствовал скучающего стражника, который прислушивался к звону колокола. Церковники созывали верующих на службу.

– Так, все в одну сторону! Не толпится мне тут. Ты куда без очереди? А ну, кыш в конец строя, – скомандовал стражник, перекинувшись парой фраз с рыцарем. – Девочку вон ту пропустите.

Девушка передёрнула худеньким плечиком, сильнее ухватилась руками за завязи мешка и протиснулась сквозь толпу. Она быстро подошла к охране. Опустив кладь на деревянный настил у ног стражника, запахнула обтрепавшиеся края и сняла чистую тряпицу с корзины. Нос зашекотал аромат хлеба. У большинства присутствующих наполнился слюной рот, а в животах заурчало, что рыцарь повернул голову в их сторону. Забрало на шлеме он поднял и сверкал ясным взором серых внимательных глаз. Пока стражник осматривал содержимое мешка, всадник смотрел на девушку. Крестьянка лишь изредка поднимала на него грустный взор. При каждом взмахе её тёмных ресниц рыцарь будто терял рассудок. В облике булочки что-то чаровало мужчин, но не вызывало похоти. Они были готовы на любые поступки. Вот и всадник не сводил с неё глаз, а она возьми и улыбнись. Скромная улыбка едва коснулась губ, приоткрыв ряд мелких зубов, и мужчина был поражён. Его душу словно затопили тёплые волны. Рыцарь продолжал смотреть вслед, когда крестьянка прошла досмотр. Ввалив мешок на плечо, она шла, едва покачивая бёдрами в длинном платье, которое ластилось к ногам. Девушке же было некогда смотреть по сторонам, и тем более оборачиваться. Она не заметила заинтересованного взгляда рыцаря, который решил подкараулить девчонку, когда та закончит дела в замке. Зачем это нужно, мужчина понять не мог. И даже досмотр прибывших гостей не мог отвлечь его от мыслей о крестьянке.

Девушка тем временем прибыла к месту назначения. Капюшон с её головы слетел, и взору предстали растрепавшиеся русые локоны, выбившиеся из длинной косы. Они обрамляли лицо и липли к щекам, влажным от оседавшего тумана. Узкие губы побледнели от напряжения. От тяжёлых мешков ныли плечи, и ломило поясницу, но приходилось терпеть и много работать. Булочница старалась, чтобы мать с братом могли жить хотя бы не так жалко, как было до того. Когда отец погиб, матери стало трудно. Пойди, прокорми двоих маленьких детей, тем более один из них увечный. Да только назло судьбе они выстояли и не сломились. Дочка выросла, заменив в работе отца. Невысокая худышка оказалась необщительной. Она созерцала окружающий мир, много размышляла, и считала, что скромность украшает девушку, прикрывая её как щитом.

– О! Молчунья пришла, – улыбаясь, пояснил один из поварят другому.

Девушка, не смотря по сторонам, прошла вглубь помещения.

– Мира, детка, как ты вовремя! – подбежала раскрасневшаяся повариха. – Эка невидаль, будущая королева затребовала утреннюю трапезу, а я и не знала, что буду делать, если задержишься.

Крестьянка улыбнулась, поставила мешок с корзиной у стены, там же забрала пустую плетушку и собралась уходить.

– Погоди-ка, милая, – окликнула повариха. – У меня для тебя что-то есть.

Мира остановилась и, не мигая, посмотрела на женщину. Та была стара, довольно упитанна, но оставалась подвижной. Пока повариха громыхала крышками чанов, девушка терпеливо ждала. По кухне распространялся запах берёзовых поленьев и жареных яиц с луком и зелёным горошком. Девушка вдохнула. Она осматривала помещение и думала о чём-то своем. Её взор синих, как горные фиалки глаз, медленно скользил по кухонным работникам, бегающим от одного котелка к другому. Они крутили на вертеле молодого бычка, после этого катили на тачанке огромный чан с похлёбкой из куропаток и переговаривались друг с другом. Повариха нашла, что искала, и, косолапя башмаки, поспешила к булочнице.

– Вот, возьми, – протянула она маленькую свиную косточку, обёрнутую капустным листом. – Дома похлёбку сваришь. Добавь больше укропа и бобов, получится отменный обед.

– Спасибо! – шепнула Мира. Ей сделалось душно от спёртого воздуха. Прикрыв ресницами внимательные глаза, она сунула за пазуху косточку.

Повариха кивнула ей в ответ и начала вынимать хлеб из мешка. Булочница сразу же покинула душное помещение.

По пути домой девушка заглянула на рынок. Он располагался на большой площади с незатейливым названием Торговая. Вдоль улицы торговцы расположили свой товар на грубо сколоченных деревянных настилах. Воздух наполнился смесью запахов. Тяжёлый дух от гнилых фруктов перебивало зловоние конского навоза и рыбных потрохов.

Мира сморщила нос. К горлу подкатила тошнота, ведь она ничего не ела уже сутки. Однако царящая вокруг вонь перебила всякое желание думать о пище. Девушка ускорила шаг, чтобы добраться до лавки обувщика. Следовало забрать из починки башмаки брата и спешить домой.

Народ вокруг толкался, норовя при этом выпустить бранное словечко; но при встрече люди дарили улыбки, и останавливались поговорить.

Воры усмехались гнилыми зубами и ловко чистили карманы зажиточных горожан от бархатных мешочков с монетами различной величины.

Пока Мира пробиралась среди толпы женщин, обсуждавших момент приготовления каши из отрубей, ей пару раз наподдали по рёбрам, и три раза залезли в карман. Все трюки ловкачей она хорошо знала, и каждый раз клала в карманы колючие каштаны. Так девушка наказывала бездельников, не желающих работать. Мира спешила между рядами и не обращала внимания на крики торговцев. А те надрывались, оповещая округу о своём товаре. Одни зазывали купить рыбку, другие торговали медовухой, третьи – плетёными корзинами. От обилия товара разбегались глаза. Чуть дальше по левой стороне за третьим прилавком от лавки аптекаря стояла высокая крестьянка в тёмном чепце. Она славилась на всю округу лучшим сыроваром. Изготовленные ею собственноручно пузатые головки жёлтого сыра всегда были мягкими, с лёгким вкусом сливочного масла. Послевкусие от такого лакомства напоминало мягкий белый хлеб с густыми сливками. К тому же у торговли можно было приобрести бутылку терпкого красного вина.

Рядом с купчихой пристроился старичок, который играл на свирели. Он спокойно поглядывал на людей, пряча улыбку в густой бороде. У его ног сидела маленькая лохматая собачонка, и валялась потёртая шапка, куда иной раз бросали монетки богатые посетители. Каждый рыночный день проходил в суете, где купцы выкрикивали названия товара, цветочницы яркими бабочками порхали с корзинами вялых букетиков, шарлатаны обманывали наивный народ, бродяги нанимались на работу, а менестрели веселили округу песнями и легендами.

Важным покупателям некогда было отвлекаться на сброд: за ранним утром следует много хлопот. Вот и Мира забрала башмаки брата и выскользнула за крепостные ворота. Каково же было её удивление, когда рыцарь на вороном коне преградил дорогу. Девушка припомнила, что давеча видела его. Она остановилась и посмотрела в глаза воина. Он склонился к ней и протянул на ладони, затянутой в кожаную перчатку, небольшой корешок засахаренного имбиря. Девушка смутилась и попятилась назад. Рыцарь продолжал протягивать угощение. Мира, не сводя взгляда с мужчины, взяла сладость и поклонилась. Обойдя коня с другой стороны, булочница направилась по дороге, вдоль которой по обе стороны тянулись стройные берёзы, соседствующие с серой ольхой. Мужчина нагнал путницу ближе к деревне, что располагалась за территорией градских стен.

– Постой, – окликнул он незнакомку.

Девушка обернулась.

– Скажи, разве ты не градская? – удивлённо выводывал всадник. Его конь танцевал на месте, недовольно мотая головой.

– Горожанка я, – тихо ответила Мира и собралась идти.

– А сюда, зачем идёшь? – приставал с расспросами воин.

– Часто мы с матушкой живём в деревне. Знахарь проводит брату лечение пиявками. И уже после мы возвращаемся домой.

– Тем лучше! – воскликнул рыцарь. – Сегодня взойдёт на небосвод новая луна – это время любви. Буду ждать тебя на этом месте. А не придёшь, разбужу всю округу.

Мира серьёзно взглянула в смеющиеся глаза воина и поспешила уйти. Рыцарь принял молчание девушки за согласие, и довольный собой ускакал.

Крестьянка прибавила шагу и ни разу не обернулась. В голове не было мыслей – странная пустота. Такое с ней иногда случалось, когда не было страха, переживаний, боли и волнений. Девушка списывала это на трудные дни, которые случались всегда на новую луну.

Глава 4

Странный путник в чёрном плаще и такого же цвета камзоле под ним, смотрел с возвышенности на раскинутый пред его взором град Нордвинд. После того как на закате он покинул «Куропатку», два дня провёл в поисках надёжного места, где можно на некоторое время оставить коня и спрятать меч. Он несколько раз пробирался близ стражников, которые собирали плату у моста, и много слышал о странных происшествиях в граде.

– Не могут воины совершать самоубийства, – бормотал бродяга, пока смотрел вдаль. – Может вернуться? На кой мне посещать град, где гибнут рыцари из армии монарха? Влипать в очередную историю нет никакого желания.

Был у этого отчаянного парня пред Нордвиндом некий страх. Ничто человеческое не чуждо даже разбойникам. Мысли путника ускользали, когда он созерцал округу. Среди всех градов Северного королевства именно этот наводил на него трепет. Было всё же там от чего ужаснуться. Чёрные флаги трепетали на ветру, открывая взору оскаленную пасть и лохматую морду. Амарок – помесь волка с медведем – гроза северного народа. В далёком детстве странник слушал сказание об этом существе от одной старухи из лагеря, где он жил. Вещала тогда старая женщина, что по легенде эти существа питаются заблудившимися в северных лесах путниками. Многие охотники сгинули в непроходимой тайге. Во время поисков находили только их оружие, примёрзшее к насту окровавленного снега.

И теперь, будучи волевым парнем, пробирала дрожь, как только он думал об амароке.

Переборов этот леденящий ужас глубоко внутри себя, путник двинулся дальше, размышляя: каким путём проникнуть в Нордвинд. Крепостные ворота слишком хорошо защищены каменным сооружением, примыкающим к главной стене. А это означало, что стражи там, как пчёл в улье. Вот только ни к чему ему лишние взгляды и вопросы. Самое лучшее для скитальца – тайно посетить град королевства, где замок окружали ухоженные сады, диковинные статуэтки и низкие беседки.

Сам Нордвинд давно основан на гористой возвышенности, на земле короля. У его подножия раскинула прозрачные глубокие воды морская гавань – Серебряный залив. Люди добывали воду из колодцев и непроточных источников, бьющих из залива, в которые часто попадала зараза. Из-за антисанитарии заболевания охватывали целые кварталы. Однако, несмотря на высокую смертность, град быстро разрастался, процветал и становился тесен. Люди перебирались из далёких глухих деревень под защиту крепостных стен.

Отличная оборонительная система играла в этом свою роль. Могучие стены с зубцами и башнями делали Нордвинд надёжной крепостью. К тому же он находился под наблюдением неусыпной сторожевой службы, которую несли дозорные и стражники. Высокие стены из шершавого серого камня, окруженные глубокими рвами, наполненными болотной жижей, спасали от нападений. Подобраться даже близко к градским воротам, расположенным между двумя башнями, не было возможным, а уж овладеть ими и вовсе сложно. В каждой башне имелась бойница, откуда лучники выпускали стрелы во врага в случае нападения, а на плоской крыше установлены специальные навесы для обороны, откуда в случае необходимости лили горячую смолу. Поэтому для врага завладеть градом было возможно, только если он овладел его воротами. Часовые несли службу в каждой башне королевства; а в их подвалах сооружали колодцы с чистой водой на случай осады, и рыли подземные ходы.

Поселения, которые растянулись за крепостными воротами, обносились защитными стенами несколько раз. Население увеличивалось, и жители селились дальше за стенами, где дома обносили частоколом. Главное – близ града, где люди могли укрыться в случае войны. На пути к Нордвинду пересекалось несколько дорог, что было удобно для купцов, которые торопились показать свой диковинный товар на Торговой площади. Именно здесь было место встречи и

театрализованных представлений. К тому же в базарные дни больше места занимали крестьянскими возами со всевозможными фермерскими товарами. Купцы активно торговались о снижении платы на оптовую закупку. Крестьяне упрямылись, но продавали товар и спешили на прилегающую площадь, где закупали сено и корм для скота. Многие жители града имели свои огороды, поля и пастбища. Держали они в основном мелкий скот: овец, коз, свиней, которые спокойно расхаживали по градским улицам и сами находили себе пропитание: мусор и остатки пищи выбрасывались на улицу. Гниющие отходы привлекали рои насекомых. Сточных мест для сбрасывания нечистот в населенном пункте не было, и всё выплескивалось на узкие проулки и улочки. Люди не подозревали, что может быть как-то иначе.

Зато особое внимание в Нордвинде уделялось ратуше – символу независимости и гордости града. В этой башне проходили заседания Совета, и принимали коронованных особ. Рядом с ней располагался собор, колокол которого отбивал время и оповещал о бедствиях. Собор – величественное здание из белого гладкого камня с позолоченным куполом и маленькими окошками вмещал тысячу людей разом. Вокруг него росли карликовые клёны и дикие яблони. Под окнами расстилалось ковром крохотное поле из ромашек, за которым ухаживали монахи. На колокольне мелькала тень звонаря, который в любую свободную минуту принимался молиться и отбивать поклоны, поглядывая на небеса. За собором виднелись две маленькие церкви с остроконечными крышами и монастырь с коваными решётками на окнах. Церковники особо почитались у христиан, ведь они вернули им возможность посещать старые кладбища и отвели место под новое. Народ больше не боялся мёртвых тел, на которые мог наткнуться в любом закоулке. Если уж мостовые не имели освещения, то о тёмных углах и речи не шло. Эти самые закоулки пересекались арками с улочками, поросшими вьюнком, отбрасывающим ещё большую тень. Дома, не имеющие нумерации, нависали друг над другом. Верхние этажи, где жили мастеровые, выдавались над нижними – мастерскими и торговыми лавками. Окон было мало. Все они в основном выходили во двор и часто закрывались ставнями. Вот только крыши домов, расположенных на противоположной улице, где имелось несколько пристроек, галерей и крохотных балкончиков, соприкасались друг с другом, не пропуская солнечный свет.

Восемь борделей и одиннадцать трактиров на весь град – весьма недурно! Работёнка имела не только для женщин, но и крепких мужчин. На лесопилке и бойне всегда требовались работники. Хочешь кушать – работай, не желаешь трудиться – сиди на паперти у монастыря или собора.

«Всякие тайны кроются за внешним лоском и благополучием королевского града!» – размышлял странник, крайне удобно подслушивая стражников, которые обсуждали оборону ворот с северной стороны града: где полуразрушенная башня охранялась не так основательно. Он подбодрил себя и ухмыльнулся. – Там я и проскользну. Надеюсь, что за два дня на том месте ничего не изменилось. Седого на постой определил, только меч при мне. Не хотел бы я с ним расставаться. Мой надежный защитник – Длинноликий».

Пока парень стоял по колено в опавшей листве у обочины дороги, за ним наблюдали из кустов, припорошенных снегом. Небесно-голубого цвета внимательные глаза подметили внутреннюю борьбу путника. Человек в сером плаще с широким капюшоном надеялся быть незамеченным и выжидал время. Странник же делал вид, что сосредоточен на местности. Как только он, осторожно пробираясь вдоль оголённых деревьев тракта, направился к северным воротам, преследователь двинулся за ним. Добравшись до места, молодой человек насторожился. Врата охранялись двумя рыцарями в кольчуге и накинутах поверх плащей, застёгнутых на левом плече брошью в виде морды амарока. В руках стражники сжимали алебарды, устремлённые острыми концами вверх. Они обсуждали новости об исчезновении рыцарей королевской армии.

Путник присел на корточки за каменным выступом обвалившейся башни. Он не имел представления, чем раньше она служила, но вот преследователь знал об этом хорошо. Не была та история ни для кого секретом. Служила в далёкие времена эта башня местом, где Диметрих, будучи у власти, запирался во время пьянки. Прodelывал он там много чудовищных вещей. Часто государь устраивал оргии с изнасилованием маленьких девочек-крестьянок, и не гнушался мальчиками. После того: пытал их и убивал. Однажды, когда он скинул в окно верхнего этажа старую монахиню, было ему видение: ходила за ним тень в красном одеянии и плакала, воздевая вверх руки. Бежал он тогда с криком, свалился с лестницы и разбил голову о каменный выступ, за которым в этот момент прятался путник. Как только изувер пришёл в себя, сразу приказал башню спалить.

Его наследник – Максимиан I не пожелал восстанавливать эту часть замка. Он пригласил священника, который читал на месте руин молитву семь дней, и ему вторили три монахини. Когда заперли врата на крепкий засов, даже при правлении Максимиана II, только стража ступала в те места, для несения ежедневного караула.

Именно их теперь необходимо обойти страннику. Он заметил, что преследователь отстал. Может, и не было его вовсе, просто от усталости начал подозревать каждого встречного.

– Не верю, что они повелись на чей-то ясный взгляд, – неожиданно громко произнёс стражник.

– Так, может, не взглядом их брали, – предположил собеседник и рассмеялся.

Ветер донёс обрывки фраз, но суть сказанного терялась.

Странник вздрогнул. С этой стороны было холоднее. Сквозняк резвился, бросая пыль руин в лицо воинам, зловеще свистел и трепал полы плащей. Он срывал последние листья с кустарников, и гонял их вместе с мелкими камушками по коридорам полуразрушенной башни. Поздняя осень – капризная леди. Несколько дней назад подморозило и выпал снег. Вот только морозы резко отступили, уступая место оттепели. Но обошлось без дождя.

Ноги у странника затекли. Сидя на корточках, он попятился и наступил на ящерку. Та издала чудной свист и понеслась по камням.

Стражники переглянулись и притихли. По молчаливому согласию воины разделились. Они чинно вышагивали, поглядывая в небо, нежели себе под ноги. Бродяга чуть ли не слился с каменной стеной. Осторожно ступая, он продвигался, едва дыша. Один страж зашёл за щербатую стену – его шаги чётко слышались сквозь завывание ветра. С противоположной стороны захрустел гравием второй. Он остановился, где только что сидел парень.

Укрывшись плащом, бродяга проскользнул под носом у стражи и удалялся от северных врат Нордвинда. Он держался за рукоять меча, скрытого плащом, и уверенно вышагивал по тихой улочке Рыбацкой, где витал душок потрошёной рыбы. Улицы в Нордвинде не были мощёными. Летом народ задыхался от едкой пыли, духоты и зловония. Всюду царил грязь. Невозможно пройти и не выпачкаться. Во время дождей улицы больше походили на болото, где люди утопали по колёно, и застревали телеги.

Первый снег, выпавший накануне, едва растаял, а под ногами хлюпала слякоть вперемешку с нечистотами, рыбными головами и чешуёй. Народ разбежался по делам, и странник беспрепятственно мог пройти в центр града. Но прежде чем это сделать, он присмотрелся и послушал. Перешагивая очередную кучу мусора, он тяжело вздохнул. Воздух был тот ещё. Подняв голову в очередной раз, бродяга на что-то наступил. Раздался визг. Отскочив в сторону, он заметил здоровую рыжую крысу, которая тащила в зубах рыбий хвост.

– Надо же, рыжухе помешал, – шепнул путник, поскользнулся и упал в лужу. – Вот жаба! – в сердцах воскликнул он.

Мало того вымочил ноги и полы плаща, так ещё загваздался в нечистотах. Подскочив на ноги, снова чуть не попал в переплёт. Доля секунды, и на место, где он сидел, выплеснули помой из окна верхнего этажа.

– Жаба! – прошипел странник. Теперь он спешил, не обращая внимания, куда ступает. Главные цели: найти таверну и добыть чистую одежду.

Искомое попало на глаза за углом дома. Вещи висели на тонком шнуре прямо за окном второго этажа, и принадлежали, судя по виду, рослому мужчине. Обзавестись чистой одеждой не составило труда. Стоило всего-то подпрыгнуть, ухватиться за кронштейн вывески, подтянуться рукой и дёрнуть за шнур. Тот соскользнул с крюка. Спрятав вещи под плащ, странник ринулся дальше. Вскоре на его пути попала таверна с изображением кракена на вывеске.

Глава 5

Утро вторника у короля Максимиана II началось как обычно: проснулся он в собственной спальне, расположенной на третьем этаже большой башни. Окна уже пропускали солнечный свет, который робко выглядывал из-за большого седого облака. Его величество широко зевнул и потянулся, поглядывая на слуг, которые деловито суетились у его постели, укрытой балдахинном. Полотняные занавеси над кроватью создавали иллюзию уединения от челяди. Слуги спали в одной с ним комнате: на соломенном матрасе у двери, и вставали с рассветом.

– Василис, воду приготовил? – поинтересовался король с хрипотцой в голосе, опираясь на локоть.

– Конечно, Ваше величество! – откликнулся старик, поправляя свалившееся одеяло. Он с ненавистью взглянул на молодого монарха, развалившегося на матрасе.

Кувшин свежей воды стоял рядом с кроватью, чтобы монарх мог умыть лицо в чаше. Обычно сразу после пробуждения он спешил во встроенную комнату в стене башни. В нужнике король не задерживался из-за холода. Восседая на неудобном стульчике, он успевал спеть только куплет любимейшей песни.

– Ваше величество, желаете облачиться в платье? – задал вопрос молодой паж, стоявший у камина. Внешне он не проявлял каких-либо чувств.

– Нет, не сейчас.

В то утро королевское величество изъявил желание немного понежиться в постели. Слуга тихо удалился из комнаты, а Василис терпеливо дожидался распоряжений, разглаживая ладонью небольшую складку на сюрко. Верхняя туника была мягкой на ощупь и довольно тёплой. Старик машинально одёрнул подол своей короткой рубахи из грубой полотняной ткани мышинного цвета и тихо вздохнул.

Король неторопливо обвёл опочивальню взглядом, а слуга последовал его примеру. Каменные стены не были обработаны, и добавляли холод помещению. От сквозняков, гуляющих во всём замке, спасали гобелены. Дополнительно тепло получали, застилая свежей соломой деревянный пол. Воздух сразу наполнялся пресным ароматом лета, который сливался с запахом воска от свечей.

Берёзовые поленья в королевских покоях только попали в объятия пламени, и сразу принялись потрескивать, рассыпая сноп искр из камина.

– Какой аромат, а, Василис? – обратился государь к прислуге. – Лугом пахнет, хмелем, солнцем...

– Ваша правда, государь! – согласился Василис и кротко поклонился. Он отложил платье, подошёл к постели и взбил подушки на лебяжьем пуху, после чего вернулся на прежнее место и ухватил платье за плечики.

Король любил спать нагишом, и зябкое утро заставило его с наслаждением забраться под одеяло. Пружины из полосок кожи провисли от его возни, а матрац набитый гусиными перьями и обтянутый льняной мягкой тканью, принял его худощавое молодое тело, покрытое мурашками. Его величество вдруг вспомнил, что пора отремонтировать большой чертог. Там спали остальные слуги, и их нужно переселить в донжон хотя бы на время. Заботы не дали нежиться в постели правителю Северного королевства, тем более в тот момент, когда хворь отступила, и он был весел и полон сил. Ещё немного поблуждал государь взглядом по комнате, где не было ничего примечательного, кроме узкого длинного стола, за которым сам писал длинные письма и указы, и невысокого стульчика с мягкой подушкой на деревянном сидении.

Только в красивых сказках у королей были золотые набалдашники на столбиках кровати, покрытые алмазами ночные горшки и толстые пушистые ковры под ногами. Реальность пред-

стала немного иная – холодные стены, студёный пол и постоянно хлопающие от ветра ставни на окнах. Более чем унылая картина писалась в ту пору о быте царственных особ.

Максимиан II вздохнул и сбросил одеяло. Наступив на колкое сено, он нахмурился.

– Опять приволок силос, кровать, – беззлобно заворчал государь. – Задницей голой бы его посадить, может ума тогда прибавится.

Старый слуга, стоявший сгорбившись рядом, оценил настроение его величества и с облегчением вздохнул. Он подал ему льняную сорочку скрюченными артритом пальцами и отступил в сторону. Тунику король натянул сам – она тут же скрыла его замёрзшие ноги. Одежда в пол считалась символом статуса. Государь часто щеголял в тяжёлой шерстяной тунике, но в тот день решил нарядиться в шёлковое платье. Можно себе позволить эту роскошь пока не наступили холода. Максимиан II – щёголь, в отличие от своего почившего пятнадцать лет назад отца Максимиана I. Тот любил практичную однотонную одежду. Зато наследник следил за манерой. Цвета верхнего и нижнего платья всегда дополняли друг друга и имели узкие длинные рукава, а вторая туника шилась для него с короткими широкими рукавами.

Облачившись в повседневные одежды, государь принял из морщинистых рук мантию, отделанную дорогим мехом шиншиллы. Он повернулся к окну, махнув слуге, что не нуждается в нём. Мужчина лет семидесяти, с шапкой длинных седых волос, стянутых на затылке шнурком, почесал подбородок, скрытый бородой, помешал угли в камине, и после удалился.

Паж тихо вошёл с поленьями, сложил их у двери, забрал чашу для умывания и тоже вышел.

Король задумчиво смотрел в окно. Вид из него был потрясающий. За высокими стенами крепости, с восточной стороны королевства, бежала речка Молния. Кристально чистая вода отражалась на солнце яркими бликами, а ночью пересекалась посеребренной лунной дорожкой. Через неё перекинули узкий деревянный мост ещё при правлении Диметриха. Дед разрешал крестьянам ловить рыбу за определённую плату. Максимиан II позволял рыбачить за половину улова. Пока ещё не было желающих порыбачить. Природа, как стыдливая невеста, робко раскрывалась навстречу новому дню. В стороне от моста возвышалась ветряная мельница в окружении нескольких складов. За рекой чернел лес, плавно переходящий в сосновый бор, где часто устраивали охоту на кабанов, для развлечения знати. Сначала егерь со сворой собак загонял добычу, а затем король и его спутники убивали её из лука или копьём. Эта добыча подавалась к королевскому столу во время обеда. А пока до обеда далеко, Максимиан II продолжал смотреть вдаль и думать о своей жизни. Он нацепил мантию, которую до этого держал в руках и вздохнул. Совсем скоро он женится. Государю едва исполнилось восемнадцать, и он не желал связывать себя узами брака. По большей части его останавливали от такого шага необъяснимые приступы агрессии. Его величество в те моменты мог забить насмерть слугу поленом, зарезать во время трапезы пса, который доверчиво сидел рядом и послушно ждал косточку, либо истязать любовницу. Однажды Максимиан II затолкал поварёнка в открытый очаг, когда пришёл на королевскую кухню. А тот случай, когда он столкнул невесту со стены малой башни, куда они ходили смотреть новорождённых котят. Девица упала на мостовую, а он смотрел сверху и улыбался. В тот момент он видел в погибшей суженой всего лишь птицу, которую выпустил на волю. Чтобы скрыть происшествие, безутешному отцу поведали о несчастном случае – девушка разбилась, прогуливаясь в одиночестве по краю башни. Граф Рабонс поверил, потому что дочь его любила прогуляться без сопровождения; а иначе не миновать войны. После этого королю было дурно три месяца, которые он провёл в своих покоях. Кровь шла носом, и монарх до того обессилел, что не поднимался с постели. Однако организм справился, и король продолжил свои выходки. Он боялся в своей жизни только одного – смотреть в сторону новой невесты. Случись с ней что, и его не оставят в живых. Её отец – шейх. И этот самый шейх приходится вторым братом императору восточного государства Нескешск.

Государь, скрипя зубами, дал согласие на подписание брачного указа, потому что союз принесёт огромную выгоду его королевству. Через их порт смогут поставлять бархат, шелка, драгоценности с востока. Следовательно, в град потянутся купцы со всего света. Размер дани вырастет, и Нордвинд будет процветать как никогда. Но пока это всего лишь планы, и ему следует поторопиться к столу.

Максимиан II отвёл взгляд от пейзажа за окном. Для солидности он повесил на пояс небольшой кошель из бархата, обул длинные остроносые башмаки и отправился в часовню. За ностальгическим настроением монарх и не вспомнил, что не побывал в туалете. Да только и помолиться ему не удалось. Вместо завтрака в Большом чертоге с придворными, его вовлекли в государственные дела. Решение одного вопроса совсем не терпело отлагательств, и тяжело вздохнув, король последовал за советником по государственной безопасности – лордом Сотиком. Официальные дела короля делились на государственные и хозяйственные, которые он мог перепоручить, но часто оставлял право за собой – лично рассмотреть дела. Ему было интересно, что же произошло в королевстве, что ему не дали возможности спокойно поесть. Как только они добрались до Тихой залы, и Максимиан II уселся на трон, его обступили подданные. По правую руку стояли советники: ранее упомянутый лорд Сотик и советник по вопросам хозяйственных дел государства – лорд Бенджен.

Рядом с ними пристроился сгорбленный старик с бледными водянистыми глазами и длинной бородой, доходившей до пояса. Его лысую макушку венчал пушок белых тонких волос. Старик постоянно что-то шептал и подсчитывал – то был государственный советник в вопросах по контролю аренды. Управление доходами по этой части было важной работой, и молодой король полностью доверял эту миссию лорду Остмушу. У того давно тряслись руки и текли слёзы, но он чётко выполнял поставленные задачи. И государь лишь время от времени просматривал бумаги и контролировал решения лорда Остмуша. Доходы от пошлин, ренты, и от арендаторов, продолжали исправно пополнять королевскую казну, и работа старого лорда не вызывала нареканий.

По левую сторону от трона как раз стоял казначей. Тот постоянно перешёптывался с канцлером, а к ним прислушивался маршал. Он-то должен знать всё: ему издавать указы. Именно лорду Гайвану было разрешено вершить правосудие после согласования с королём, который был коронован три года назад и считался главным судьёй королевства.

Ещё несколько министров, епископ королевства и пять могущественных баронов присутствовали на совете.

– Что заставило нарушить мой распорядок дня? – грубо поинтересовался король. Его радужное настроение портилось. – Я готов выслушать просьбы и жалобы. Ну, подданные, поторопитесь, иначе я начну завтрак с вас.

– Ваше величество, – вмешался лорд Сотик, – дело не терпит отлагательства. Этой ночью совершил страшный грех ещё один рыцарь.

– Ещё один самоубийца? – вскричал король и резко подскочил с трона, что закружилась голова.

– Да, Ваше величество. Уже пятый.

– Что творится у вас под носом, ротозей? Сегодня пятый, а завтра пятьсот пятый? Этак я лишусь всей армии, – кричал Максимиан II, вытирая потные ладони о шёлковое платье. – Если об этом прознает невеста, то сбежит. Мы лишимся выгодной партии. Вы, бездельники, спите ночами и ничего не видите. Почему они это делают? Что толкает здоровых мужей на такой поступок? Или кто?

– Не могу знать, Ваше величество, – ответил советник, смотря в глаза королю. – Они пропадают в ночь, когда новая луна выплывает на небосвод. После их находят. Неликса притащил на рассвете конь. Воин застрял в стремени ногой, и болтался головой о землю. Де-Ведин висел на яблоне в королевском саду. Ридотта выловили в пруду, близ парка. Генерал Самитте

бросился с утёса и сломал позвоночник, там его задрали дикие звери. Сегодня нашли молодого князя Сальванто. Он своим мечом перерезал себе горло.

– И? Вы довольны этим, милорды? – заскрипел зубами Максимиан II.

– Отец погибшего князя прислал его в нашу армию на перевоспитание из Старбуска, – продолжил доклад советник. – Был князь жутким повесой и транжирой. Вот барон Дьюрат – посол меж государств, по этому вопросу прибыл с остальными господами: барон Четху, барон Иванко, барон Пушнов и барон Азатан. Они были приглашены на праздник осени в соседний град, но узнали новости ближе к рассвету. Сейчас они перед Вами. А это прибыл лорд Герберт из соседней крепости Ризон, близ деревни Форсовер на западной границе. Он не так давно заинтересовался науками и решил на деле узнать о столь странных деяниях.

Гости поклонились монарху, а он кивнул в знак приветствия.

Пока лорд докладывал, стоял прямо и смотрел на короля. Он проявил самообладание. Лорд Сотик не боялся гнева монарха. Подданный вообще ничего и никого не боялся. Но, такие происшествия повергли даже его в шок, хотя он не подавал вида.

Король схватился за голову, прикидывая, чем обернётся скандал. Подданные шептались, а у него от этих звуков нарастала головная боль. Лорд Остмуш то и дело вытирал мокрые глаза длинным рукавом, а бароны строили догадки вполголоса. Казначей мысленно прикидывал убытки в связи с захоронением воинов. Лорд Бенджен, закатывая глаза, загадочно шлёпал губами. Мысленно он что-то предполагал и беседовал сам с собой. Сухой шелест свитков, вздохи, кричание и лёгкое покашливание добились монарха. От этой картины ему вдруг захотелось завывать. Максимиан II вскочил ногами на трон и указал пальцем на дверь.

– Пошли все вон, – заорал он. – Запрещаю всем спать. Ищите причину. Ройте носом землю. Делайте что хотите, но если хоть один боец покинет ряды армии, я начну казнить в день по одному из вас.

– Ваше величество, – вмешался лорд Сотик, – конюх уверяет, что по темну ходил в поле, дабы нарвать жухлой, но ещё сочной травы для лошадей, и видел, как рыцарь следовал позади неизвестного существа. Он посчитал, что господа пожелали уединиться в роще, и загодя свернул с тропы, отправляясь на ночлег.

– Где он? – визжал король, стоя на троне. – Казнить его.

– За что? – удивился лорд, немного отступая в сторону.

– За то, что он – безмозглая креветка, не потрудился проверить, – ответил король, выходящая над подданными.

– Ваше величество, позвольте не согласиться с вами. Как бы он посмел подглядывать за господами? Простолюдин не виноват в том, что произошло. И если его казнить, то народ взбунтуется. Я не советую этого делать ещё и потому, что в замке живет Ваша невеста. Это вызовет у неё много вопросов.

– Помиловать! – завизжал Максимиан II, дабы показать кто у власти, и за кем последнее слово. – Пусть живёт креветка.

– Позвольте узнать, – удивился барон Пушнов, – почему именно креветка?

– Потому, – продолжал надрываться король, слезая с трона и усаживаясь удобнее, – здесь все креветки.

Он дотронулся дрожащей рукой лба, куда попала рыжая прядь волос, стряхнул её на затылок и потёр глаза. Оказывается, переживания не чужды и знатным особам крови: король поджал губы и поднял взгляд на подданных.

– Пошли вон, – сквозь зубы процедил он. – Поймать это чудовище. И поймать живым. Пусть все ищут, ловят, караулят. Обещайте вознаграждение из королевской казны тому, кто доставит в замок это нечто. И чтобы доказательства были, иначе никаких монет, а голову с плеч. – А теперь, пошли вон. Господа бароны, прошу вас проследовать в Большой чертог, где сможете отобедать и спокойно поговорить.

Подданные поклонились государю и по одному покинули Тихий чертог, который носил такое название за проводимые там важные советы. Вопросы при правлении прежнего монарха всегда обсуждались вполголоса. Зато наследник – гром и молния, готов сотворить непогоду в любых покоях. Не успела ещё захлопнуться дверь за последним членом совета, как ему в спину полетел тяжёлый канделябр со свечами. Максимиан II начал крушить всё, что попадало под руку. Сначала свалил трон, потом сорвал занавеси с окон, дальше добрался до гобеленов. И что совсем непростительно, сорвал родовой герб со стены, где был изображён амарок на чёрном поле. Его он особенно тщательно топтал, пока не запутался в подоле роскошного платья и не упал, ударившись лбом о пол. На гладкий шёлк брызнули капли алой жидкости, испортив внешний вид одеяния.

Вскоре в комнату вбежали три рыцаря и лекарь. Воины быстро скрутили государя, у которого изо рта пошла пена, а голова дёргалась из стороны в сторону, и поволокли в королевские покои. Буйный монарх вырывался, но как только рыцари опустили его на кровать, лекарь мгновенно влил в рот несколько капель опиумной настойки. Государь ещё пару раз вздрогнул и затих. Бойцы отошли от постели больного и посмотрели на врача. Тот им кивнул, отпуская. Воины, как можно тише ступая по полу, покинули покои короля. Оставшийся наедине с пациентом доктор вздохнул, поджал губы и склонился над ним. Он принюхался и понял, что государь не был сдержан не только в гневе.

Глава 6

Кракен – многообещающее название. Помещение битком набито народом. В нос ударил острый запах мочи, прогорклого масла и сырости. От смеси таких благовоний запершило в горле.

– Да, это мне и нужно.

Судя по контингенту, собрался весь градский сброд, и не только. За одним из деревянных столов сидели матросы с причалившего вечером судна. За круглым столиком, который шатался из-за надломленной ножки, расположились трое мужиков бандитской наружности. Один из этой шайки шамкал беззубым ртом. Ни дать ни взять – головорезы. Они косились по сторонам. У каждого в руке по кружке дешёвого пива и по сушёной вобле во второй. Из-за того, что стол валился на одну сторону, бандиты сидели, не шелохнувшись, чтобы не расплескать пойло. Выглядели они при этом комично, как нахохлившиеся воробьи под ледяным дождём.

Так как драки в заведении были делом привычным, приходилось постоянно чинить мебель. Хотя и освещение не радовало. Свет излучала одна на всё помещение чадившая свеча в надколотой чаше на стойке. За невымытыми окнами вовсе не разглядеть улицы.

– Так, проблемы не нужны, а значит: выберу облупленный стол в самом углу, – ободрил себя странник.

Отличный открывается вид на весь зал. Прошагать-то всего по заплёванному полу с засохшими каплями, и вот можно посидеть и послушать. Хозяин идёт, уже хорошо – заботится о комфорте посетителей.

– Милорд, благодарю, что посетили нашу скромную трапезную, – заулыбался толстенький человечек с маленькими глазками на отёкшем лице, и свисающими сальными патлами на ворот серого камзола. – Желаете выпить пива или отведать добрый глоток местной наливки?

– Пива. И если пойму, что оно разбавленное...

– Что Вы, что Вы, милорд. Как можете сомневаться? – перебил хозяин, напоминающий своим видом бочонок. – Сейчас выполню всё в лучшем виде. А какими судьбами к нам пожаловали? А, понимаю, хотите отдохнуть? Всё, я убежал.

Проводив его взглядом, посетитель задумался.

«Я-то знаю, как действует мой взгляд на посторонних, – ухмыльнулся про себя парень».

Он давно его отработал, и видом печальных белых зрачков следил за собеседником, удерживая того в страхе. Неведомо почему, но вся тоска, что живёт в его душе, отражается в глазах. Он живой и относительно здоровый, но, несмотря на возраст, чувствует себя стариком. В свои шестнадцать лет – устал. Жизнь странного посетителя не была лёгкой с тех пор, как он начал себя помнить. Чего только за это время не произошло: раны зажили, синяки сошли, рубец на шее стянулся – и выжил молодой человек назло всем врагам. Только потерял желание жить. Дышит, ест, пьёт, периодически ходит в кусты, и даже портит девиц без ласки и интереса. Тяготы существования оставили отпечаток не только в душе. И если красный рубец можно прятать под плащом, то взгляд не спрячешь. Как ему часто говорят, и не обманывают совершенно точно – он смотрит, и возникает желание бежать не оглядываясь. Но перед этим собеседника пронимает холод.

– Милорд, – обратился хозяин харчевни, – говорю, каким ветром к нам?

– Попутным, – ответил странник и взглянул на него, опустив тёмные ресницы. Голос тихий, но хриплый – тоже его оружие.

А вообще-то он малый спокойный. В конфликты не вступает. Зачем попусту махать кулаками?! Сила должна быть в словах, но не в поступках.

«Оказывается трактирщик приходил стол протереть, а я задумался и не заметил. Плохо. Сейчас-то его как ветром сдуло. Это хорошо. Пока осмотрюсь. Хотя на что смотреть-то? Бывал

я в хороших заведениях, где чистые полы и сверкающие окна. Там и за столом приятно сидеть. От него пахнет свежим сосновым срубом, а в дополнении с ароматным острым рагу, так вообще душа дрожит где-то в области пульса, – рассуждал чужак. – Только в обычные дни она у меня редко о себе напоминает, прячется где-то в груди и молчит. Только сейчас бунтует – не нравится ей это место. Честно сказать, мне оно тоже не нравится. Но так надо. Значит, будем сидеть и ждать. Вон спешит «бочонок», и даже догадался чистую кружку подать. И без того противно: стол липкий и местами вздутый от сырости, по углам прочно угнездилась вонючая плесень, а с потолка спускаются пауки на голову посетителям.

– Милорд, вот пиво светлое, охлаждённое и пенное, – пояснил хозяин. – А покушать желаете? У меня для редких гостей всегда над очагом дымится свежая рыбная похлёбка.

– Давай, – кивнул странник и снова задумался.

«А пиво действительно не плохое. «Бочонок» может, когда захочет».

Посетитель сделал большой глоток и с наслаждением проглотил, чуть зажмурив глаза. Когда распахнул их, хозяин, перебирая мелкими шажками, спешил к столу с миской похлёбки.

– Вот, кушайте, милорд.

– Как тебя?

– Дату к Вашим услугам, милорд, – ответил хозяин.

– Слушай, Дату, а ты случайно не в курсе, что там за королевскую награду обсуждают на каждом углу?

Хозяин выпучил глаза, зажал рот отёкшей ладошкой и посмотрел по сторонам.

– Никто на нас не смотрит, не бойся, – вполголоса произнёс странник.

Тогда трактирщик опёрся локтем о стол, склонил голову и прояснил важные детали. Из его слов было понятно, что завелось в граде чудовище, которое вроде как уводит рыцарей из замка и что-то с ними творит.

– Невероятно! Чему верить? – усмехнулся странник.

– Вот и я так считаю, – закивал головой Дату. – Что за чудо такое, которое управляет воинами и держит короля в бешенстве? А когда монарх лютует, по слухам, дрожит весь замок. Даже обещал за поимку чудовища награду из королевской казны.

«Не дурно, надо полагать, – обрадовался незнакомец, размышляя. – Мне деньги всегда нужны. Думаю, стоит здесь задержаться, раз уж пришёл. Хоть и не верю в это глупое слово – судьба, но походу именно она меня сюда и привела. А что, можно рискнуть. Так, пока разговорчивый Дату ушёл по своим делам, надо поесть, а то похлёбка остыла. Вкусно, как же вкусно! Даже не верится, что здесь могут так готовить».

Оп! Пока странник хлебал, его решили спасти от одиночества.

«И что это интересно за жаба наглая такая? Сидит напротив, смотрит своими выпученными голубыми глазами и молчит, – разозлился парень».

Он спокойно рассматривал незваного гостя за своим столом, помешивая ложкой мутный бульон, а пальцы второй руки мгновенно опустил на рукоять кинжала. На всякий случай. Капюшон глубоко надвинут на голову, и отбрасывает тень на лицо. Это даёт дополнительный шанс быть незнанным.

Опять на кухне что-то пригорело – повалил дым. За этим туманом сидели два человека, смотрели друг на друга и молчали. А меж тем, за столиком матросов назревал конфликт. Похоже, скоро будет весело.

– Вам нравится местная кухня? – решился вступить в диалог незнакомец. Голос у него какой-то скучный, без интонаций, будто спешит сказать всю фразу целиком.

– Не было желания её осматривать, – уверенно ответил странник.

– П п хв хв льно. Юмм юмм р – эт хр хршо, – высказался незнакомец.

Заикается, вот и спешит. Начал глотать смог, валивший с кухни, и волноваться. Ну-ну!

– Я вообще весёлый парень, – парировал молодой человек.

– Знаю.

– Ты следил за мной довольно давно. Зачем?

«Хоть я и не уверен, что это он, но нужно показать свой характер, – подумал парень и хлебнул пива. – Застану его врасплох. Что-нибудь взболтнёт».

– За мметно, да?

– По-твоему я – дурак?

– Н нет. Я нна слышен, что ты, – сообразив, что болтает лишнего, чужак замолчал.

– Что я? – разозлился странник. Он посмотрел в лицо неожиданному собеседнику, а после будто заскучал и принялся доедать остывший суп, в котором плавали два кругляша морковки и три кубика репы. Кукурузу и рыбные хлопья он выловил до того, когда бульон был ещё горячий.

Незнакомец продолжал смотреть на странника с интересом. Было видно, что он много знает, но повстречавшись лицом к лицу, немного оробел. Есть от чего. На языке благородных это звучит – негодяй и убийца. Воровской мир – та стихия, где грязные таверны – родной дом. Благородных часто смущает, как он себя ведёт, как ест и что за выправка. Старуха из его лагеря частенько посмеивалась над ним и называла маленьким королевичем. Она так уверенно говорила, что не помни мальчишка родного дома и матери, которая отдала пятилетнего мальчика бродягам, поверил бы: будто и правда родовитых кровей.

«Ну, всё, надоело мне это затянувшееся молчание».

– Ну и?

– Ммиллорд, у у мменя к к к Вам дело, – выпалил чужак. – Н не простое. Я бы д даже с с сказал, личное.

– О, как! – усмехнулся странник и почесал лопатку, заведя руку за спину.

Глаза у незнакомца расширились, видимо он подумал, что тот выхватит меч и занесёт над его головой.

«Больно нужен, руки марать».

Парень решил придержать руку за спиной.

«Пусть потрусит».

Ему доставляет удовольствие видеть страх в глазах людей. Он когда-то тоже много чего боялся, но жизнь научила твёрдо стоять на ногах и смотреть опасности в лицо.

– Ммиллорд, н не перебивайте мменя, ммне и так ссложно говорить.

«Ага, как же, как же, тяжело тебе. Врун. Ты же не заикаешься, а скрываешь свой западный акцент, – усмехнулся своим мыслям молодой человек. – Этакое протяжное «м», которое у нас произносится твёрдо, а у вас звучит как «мм». А ударение ставишь на «о». Давай, дядя, заливай дальше, а я послушаю».

Заметив, что странник уже несколько минут молчит, собеседник чуть подался вперёд, чтобы взглянуть в его пустые глаза. Но, не доставляя такой возможности, парень привалился спиной к холодной стене и, скрестив руки на груди, ухмыльнулся. От этих действий капюшон съехал ещё больше, скрывая верхнюю половину лица. Мужчина тоже отодвинулся от стола, сцепил руки в замок и пристроил их себе на колени.

– Ужасная п погода, – произнёс он. – Н н не правда ли?

– Морозит, – согласился парень. – Если мы обсудили важный момент, касающийся надвигающейся зимы, то думаю, одному из нас пора откланяться. Подсказать кому?

Как только парень задал вопрос – резко потянулся к столу, чтобы допить пиво, но незнакомец расценил это действие по-своему и дёрнулся в сторону. Табурет под ним упал, и грохот ещё больше напугал беднягу. Он огляделся, поднял табурет и снова уселся.

На чужаков начинали коситься завсегдатаи. Было заметно, что те затесались к ним как-то уж больно случайно. Это всегда действует на нервы постоянным клиентам, когда их смрад вдыхают чужаки выше рангом.

Только молодой человек спокойно сидел и наблюдал за обстановкой из-под полуопущенных ресниц.

«О, как они меня нервируют, эти ресницы, – вздохнул парень, заметив пушистые ободки над взором. – Тёмные и густые – больше подошли бы женщине. Но нет, природа решила посмеяться надо мной и щедро украсила таким вот опахалом. Зато под ними хорошо скрывать взгляд. Хоть на этом спасибо!»

– Миллорд, выслушайте меня, и я пойду. Не для меня так так такие прорывы.

– Валяй, – разрешил молодой человек и снова привалился спиной к стене, скрестив руки. – Только уволь от своего противного заикания. Меня это злит.

Незнакомец насторожился и задумался. Его пугало присутствие враждебно настроенных бандитов, и он начал говорить быстро, будто бы боялся, что передумает.

– Вижу, Деян Лакурец, не ошибся я в Вас. Слышал о Ваших подвигах, и признаюсь: восхищаюсь такой смелостью, честностью и злобой. А дело такое: необходимо найти чудовище, что доводит благородных рыцарей до беды. Найти нужно как можно быстрее и схватить. Только не для короля это требуется сделать. Мой заказчик заплатит больше в три раза, чем обещал королевский казначей. Вы ведь уже слышали о происшествиях в этом граде? – вопросительно взглянул незнакомец.

Деян кивнул.

– Так вот, – продолжил незнакомец, – нам нужен этот изувер живым: будь-то мальчишка или ведьма. Доставить это нечто следует в замок лорда Герберта, близ града Монженталь. От Нордвинда следует двигаться в сторону запада до основной границы и свернуть к южному плато.

– Завернул, так завернул. Деревня Форсовер. Знаю я, где это находится, не трудись запутать. Думаешь, получится наживу забрать и меня уложить. Не советую.

– Что Вы, милорд, вовсе нет, – засмутился хитрец и почесал впалую грудь. Я не это собирался сделать, а указывал тракт, по которому следует двигаться.

– Не учи, сам найду дорогу. Зачем тебе это чудовище, вернее, хозяину твоему?

– Он мне не хозяин, – смутился собеседник.

– Ага, а у меня в штанах не яйца, – улыбнулся Деян и почесал нос.

– Милорд, Вы такой остряк! Это радует. Не очень приятно сотрудничать с воображалой. Скажу честно, лорд Герберт занимается наукой, и его привлекают способности людей с противоестественной личиной. Проще говоря, это нечто требуется заказчику для опытов.

– О, как! – парень поперхнулся пивом.

– Да, вот так. А что такого? И у его величества перестанет болеть голова по такому неприятному поводу, как потеря бойцов из королевской армии, и лорд будет доволен.

– Ага, и тебе мешочек монет отвалит за старания. Я всё понял. Когда это чудовище доставить?

– Оно выходит на охоту в ночь на новую луну. Это значит завтра. Вот поймаете, и сразу к нам. Мы с лордом отбываем из Нордвинда сегодня на закате. Можем условиться, и где-то подождать вас.

«Даже не знаю, братья ли за это дело. Корамары не помешают, но вижу, что собеседник не договаривает самого главного. Да и вроде ни к чему мне вся эта возня. Через пару дней покину Нордвинд и забуду о чудовищах, знакомцах и вонючих харчевнях, – озадачился Деян, мысленно прикидывая, что к чему».

– Не стоит. Я...

Договорить ему не дали. В харчевне завязалась потасовка. Моряк повис на спине бандита и пытался его задушить, в то время как приятель разбойника бил табуретом по голове матроса. Обе компании вступили в драку, и послышался треск мебели. Хозяин умчался в сторону кухни, чтобы не попасться под горячую руку.

Когда в сторону странных посетителей полетел пустой бочонок из-под пива, собеседника как ветром сдуло.

«Вот и хорошо, а то начал порядком надоедать со своей мутной историей, – порадовался Деян. – Всё, пора покинуть это зловонное помещение».

Драка была в разгаре. Один из разбойников, держа за шиворот матроса, метнул им в сторону окна. Ударившись головой, тот вылетел в него. В этот момент Деян распахнул дверь таверны и вышел на свежий воздух.

Глава 7

Хмель от выпитого пива выветрился – в голове прояснилось и перестало гудеть. Вдохнув глубже невкусного воздуха, странник направился в сторону Кузнечной улицы. Под ногами чавкала жижа из помоев, талого снега и облетевшей с деревьев листвы. Солнце проглядывало из-за серых облаков, но тепла не давало. Запахнув плащ, Деян осмотрел улицу. Здесь было немного чище, и не липла уже к коротким кожаным сапогам рыба чешуя. Хотя, чего там таить, именно чешуя всегда напоминала ему северное сияние, которое мальчишкой он видел на небосводе. Только сияние сверкало многообразием ярких мазков, которые будто стекали с небесного холста, когда его ещё не просушили, а уже резко перевернули вверх ногами. Как сверкали необычных цветов огоньки, так и чешуя. Тонкие круглые пластинки переливались перламутровыми боками. Её он тоже помнил хорошо. Часто старуха Бетси чистила мелких рыбок, чтобы сварить жидкую похлёбку. Тогда они разлетались в разные стороны и налипали на столешницу, стены и лицо. А он потом их колупал с её сморщенных впалых щёк и жался теснее, ища защиты в костлявых длинных руках. Он засыпал, и во сне видел то самое свечение. Оно горело красным, на тёмно-синем небесном полотне, напоминая угольки прогоревшего костра. А потом картина писалась ярче, и шёл рябью зелёный тон, будто сочная зелень лугов проросла на небосводе. Голубой цвет накрывало бирюзовой волной разволновавшегося моря. Небо будто показывало земные картинки, словно отражение в зеркале.

Деян запомнил, как будучи малышом в последний раз обернувшись на родной дом, увидел в небе крылья ангела, которые рисовало сияние. Уже прошло много лет, а он помнит. Запомнил всё. Благодаря этому и выжил. Но не время предаваться глупым воспоминаниям. Пора составить план действий. Он надеялся, что немного побродив по граду, вернётся в забегаловку и проведёт ночь там. К тому же, в суматохе он забыл переодеться. Ну да ничего, меньше привлечёт внимания: на бродяг давно никто не смотрит. Вот только меч стоило бы спрятать, но пока в харчевне драка, думать о возвращении не стоит. Странник пошёл дальше вдоль узкой кривой улочки, рассматривая дома. За окном мелькнула девушка, поливающая тонкий цветок. В другом проёме – толстый бородатый мужчина чинил петли на ставнях. Чуть дальше в оконце на втором этаже выглянул молоденький паренёк с ломтём хлеба в руке. Он пытался кого-то высмотреть на противоположной стороне крыши.

Ветер кружил в воздухе жёлтые листочки горной ольхи и гнал холод со стороны скал.

Морской порт тоже пострадал от первого снега. Талая вода подтопила несколько судов, и матросы сидели без дела, пока трюмы просыхали. Они бродили по улицам и искали неприятности.

Деян, избегая стычек, свернул за угол. Двое пошатывающихся крепышей стояли спиной друг к другу и справляли малую нужду прямо посреди улицы. Путник протяжно вздохнул и обошёл их сбоку, посматривая, как бы его не оросили.

– Эй, парняга, хочешь выпить с нами? – закричал ему вслед матрос. Он едва держался на ногах и никак не мог затянуть шнурок, удерживающий порты.

– Керри сегодня угощает, – пробасил второй пьянчуга, отирая носок башмака о штанину.

– Нет, парни, это без меня. Вам же больше достанется, – безразлично ответил Деян и пошёл дальше.

Не успел он пройти несколько метров – из-за угла выскочила женщина и ухватила его за рукав.

– Парень, если есть монетка, то на сегодня я твоя, – шепнула она ему в ухо, обхватив за шею.

Деян разжал её пальцы и оттолкнул.

– Есть две монеты, – усмехнулся парень, – да только бубенцы мои за деньги не звенят.

– Грубиян! – обиделась шлюха. – Никогда бы не подпустила такого повара к своему блюду.

– От такой пищи аппетит портится, – рявкнул Деян и, засунув руки в карманы, пошёл вперёд.

В проулке он чуть не свалил ещё одну дурно пахнущую девку, которая присела по нужде. В стороне её дождался пьяный кавалер с подбитым глазом и вялой веткой вереска в руке.

– Смотри куда, прёшь, детина, – завопила девка, поднимая зад.

Её ухажёр оказался из робкого десятка. Он отвёл взгляд в сторону и промолчал.

Деян хмыкнул и последовал в центр града, где было оживлённо. Торговки кричали во всё горло. Сразу было не разобрать: то ли они расточали хвалу товару, то ли призывали поймать вора. Чуть дальше от торговых рядов ловко стучал молотом кузнец, обучая ремеслу за звонкую монету всех желающих. Он делал это раз в месяц, чтобы показать своё мастерство.

Мимо этой суতোлки прохаживал толстый купец, обвешанный шерстяными платками и рукавицами. Его товар, в преддверии зимы, пользовался особым спросом, и он гордо поглядывал на торговцев нижними платьями. Неожиданно люди взбодрились и подались вперёд. Деян всмотрелся вдаль и заметил королевского глашатая, который начал громко зачитывать указ.

Активно работая локтями, странник подошёл ближе. Информация была важна слуху каждого горожанина, ведь приглашались в замок желающие заработать на поимке чудовища. Явиться нужно на следующий день по полудню. Простолюдины одобрительно зашептались, но глашатай охладил их порыв, объяснив, что им-то в замке не место. Они охотливы махать оружием, а нужен результат. Крестьяне потеряли интерес к указу, и толпа стала редеть.

Деян стоял, расставив ноги и засунув руки в карманы, чтобы хоть как-то поддержать ворованную одежду, что находилась под плащом. Он смотрел, как удаляется глашатай, и размышлял. Решив для себя, что до заката солнца он успеет зайти в замок за дополнительным извещением, путник собрался уходить. Не вынимая рук из карманов, он развернулся. Его взор обратился на тень, которая тянулась позади него. Чуть приподняв голову, Деян увидел перед собой девушку. Она внимательно наблюдала за королевской процессией и думала о чём-то важном, нахмурив брови. В руке у неё была тяжёлая корзина с провизией и хлебом. Мужчина смотрел на это создание и не мог отвести взор. От взгляда девушки шло притяжение. Хотелось смотреть на её тонкие губы и ловить срывающиеся с них слова; наблюдать за тем, как трепещут короткие ресницы, и краснеют на холодном ветру щёки.

«Необычайной красоты девушка! – оценил Деян. – Простолюдинка, но какая стать!»

Волосы у неё выбились из-под шапочки и змейкой легли на ворот короткого тонкого плаща. Тут незнакомку задела плечом, и она очнулась от размышлений. Взор синих глаз обратился на странного человека, наблюдавшего за ней. Он подмигнул девушке, а она смутилась и отвернулась. Вдруг что-то вспомнив, она развернулась и направилась к арке. Деян как зачарованный спешил за ней. Это юное видение он догнал у лавки аптекаря и пристроился рядом. Она чуть повернула голову в его сторону, скользнула взглядом и прибавила шаг. От корзины крестьянки тянулся сладкий запах свежей выпечки. У странника заурчало в животе, да так сильно, что девушка обернулась на него ещё раз. Она смягчила взгляд и улыбнулась краешками губ. И Деян словно ослеп. В его голове будто полыхнула молния. Парень вздрогнул, но не остановился. Прикрыв на секунду глаза, чтобы прийти в себя, он потерял из вида объект преследования. Словно и не было этой девушки. Только туман опускался на мостовую главной площади, и в воздухе витал лёгкий запах хлеба. Да и тот тянулся из окошка в лавке сапожника, где мастеровой жевал булку.

Глава 8

Странник не успел переодеться, и чувствовал себя неловко. Вернувшись на площадь, где народ занял свои места, он подошёл к колодцу, расположенному посредине. На деревянном ободке стояло ржавое погнутое ведро. Зачерпнув немного воды, Деян умылся. Не любил он грады, особенно такие тесные и многолюдные. Ему будто бы не хватало воздуха на этих грязных, непроходимых улицах. Здесь даже деревья нависали над ним как палачи. То ли дело на просторах. Он немного задержался у колодца и снова получил порцию помоев на свои сапоги.

Ругаясь под нос, путник спешил, и чуть не наскочил на стражу. Двое воинов в чёрных плащах прогуливались по Колокольной площади. Он определил их среди толпы по высоким шляпам с перьями. Хранители порядка важно выпятили грудь, и рассматривали народ. Деян вовремя завернул за угол дома и попал на улицу Башмачную.

«Буду так плутать, не ровен час, заблужусь. Это не в моих интересах».

Странник решился вернуться в харчевню, чтобы переночевать и дожждаться назначенного времени. Вернувшись в «Кракен» на закате, Деян обнаружил, что драка завершилась заключением мира. Обе стороны драчунов восседали за единственным уцелевшим столом и глушили пиво. Они были изрядно пьяны и вряд ли видели дальше своего носа. Хмыкнув, парень подозвал хозяина и попросил показать комнату. Довольный «бочонок» проворно побежал по шаткой лестнице на второй этаж.

Как только Деян остался один в маленькой комнатке, он скинул грязные сапоги и присел на краешек узкой кровати. Она была сплетена из гибких прутьев лозы, и не производила впечатления прочной. Путешественник осторожно достал меч из ножен и поцеловал стальное лезвие, после чего принялся начищать. Завершив повседневный ритуал, он положил оружие на тонкий соломенный матрац. Свечу зажигать не стал, и действовал в потёмках. Когда глаза привыкли к темноте, парень рассмотрел у маленького окошка прижатый к стене стул. Проверив табурет на пригодность, просунул ножку в скобу на двери, служившую ручкой, и прислушался. Хозяин пытался выдворить гуляк, и ему это удалось. Вскоре послышался стук засова, на который «бочонок» запер дверь, а по лестнице поднимались пьяные постояльцы.

За ночь к нему в комнату порывались проникнуть два раза, и оба оказались плачевными, потому что шутки странник не любил. Деян не разбирался, и сразу бил между глаз. Когда возня стихла, он даже немного вздремнул.

Как только запели на дворе петухи, послышались шаги «бочонка», который спешил растопить очаг и замесить тесто.

Деян поднялся с постели и умылся холодной водой. Кувшин стоял у изголовья кровати. Протерев шею и грудь, он оделся в чистые вещи. Чувствуя нарастающее напряжение в паху, парень не растерялся и быстро наполнил кувшин тёплой жидкостью. Стряхнув капли, он затолкал орган в порты, которые оказались великоваты, но дело исправили завязки. Потуже затянув на поясе шнурок, заправил штанины в короткие сапоги. Теперь дело стояло за тем, чтобы спрятать меч. Осмотрев комнату и пол, он обнаружил просвет между досками. Поддев клинком одну из них, дёрнул сильнее, и обнажил небольшое пространство. Туда-то Деян и уложил меч, пообещав ему вернуться как можно скорее.

Внизу постоялец наказал хозяину не сдавать его комнату ещё кому-то. Получив утвердительный ответ, путник отправился в замок.

По дороге он размышлял: как быстро разрастаются грады. Горожане становились торговцами и ремесленниками. Очень многим нравилось открывать лавочки с продуктами питания, и они этим гордились. Большинство мужчин занимались обработкой дерева и металла, за счёт чего постепенно богатели. Самореализация только набирала обороты и вовлекала в свою ауру всё больше народа.

Только Деян не желал осёдлой жизни. Он вышел на Соборную улицу и посмотрел на величественное здание, где на колокольне мелькала тень монаха, готовившегося отбить время пробуждения. Уже вскоре паутина улиц покроется спешащими по своим делам жителями и гостями.

«Через пару дней за градскими стенами расположится крупная сезонная ярмарка. Ремесленники выставят деревянные прилавки посреди увядшего луга и предложат свой лучший товар: гобелены и полотна; вырезанные из дерева фигурки и дощечки; сверкающие сталью ножи и глиняные миски. Крестьяне выстроят в ряд телеги с яблоками, репой и стручками бобов. Но большую значимость в той торговле имеют пчеловоды. Народ севера готовится к приближению зимы и запасается сладким продуктом».

Деян резко развернулся и посмотрел на старушку. Женщина остановилась за его спиной и вытирала рукавом глаза.

– Ближе к вечеру на месте торговли будут устраивать пляски и хороводы вокруг большого костра. Веселье растянется до первой звезды, а потом по домам, – продолжила вещать старуха, мечтательно всматриваясь вперёд. – Я знавала такие времена. Давненько это было, но память свежа.

– Правда, весело бывает? – поддержал разговор странник.

– Не иначе, – ответила старуха, кутаясь от озноба в платок. – Да только зимой всё равно веселее будет. Ярмарку устроят прямо на льду замёршей реки. Забава детям и радость взрослым, которые несколько дней в году смогут отдохнуть.

Женщина потеряла интерес к разговору так же быстро, как и начала его. Опираясь на палку, она направилась в сторону собора.

Странник отправился своей дорогой. Его мысли кружили в голове как стаи голодных птиц.

«Никогда не осяду на одном месте».

Крестьяне содержат дома, разделявают землю, спешат распахать свои угодья и посадить на огородах овощи и злаки. А он бы так не смог. Бродячая жизнь его манила. На трущобы бедняков он смотрел как на родной край, а вот богатые дома презирал. Он видел, как пируют зажиточные люди. Они едят, а по подбородку стекает жир. Золотистые корочки прожаренных пулярок источают густой аромат мяса и перца. Румяные щёки богатеев дрожат; толстые пальцы бросают кости собакам, будто совершают великое дело; а по лбу струится пот. Даже сейчас, представив такую картину, Деян повёл плечом и зашагал дальше.

Выбросив невесёлые мысли из головы, путешественник приблизился к месту назначения. После минутного разговора со стражником, он минул донжон, выстроенный на скале. Эта запасная каменная башня находится внутри крепостных стен и имеет три этажа. В ней расположены важные помещения замка: оружейные палаты, главный колодец, склады продовольствия, и тесные помещения, предназначенные для жилья – на случай, если прорвутся войска неприятеля.

Деян спешил и не задерживал взгляд по сторонам. По прибытии в замок, его проводили в маленькое помещение, служившее, по всей видимости, для приёма гостей низшего сословия.

В замках было уютно, тепло и светло! Не стоит верить таким небылицам. Дело обстояло гораздо хуже. Первое, что заметил Деян, остановившись в полукруглом проёме чертога – это тошнотворный запах. Комната оказалась мрачной и сырой. Башню пронизывал ветер, поднимаемая с глубины рва болотный туман, который обволакивал стены. В маленькое зарешеченное оконце под высоким потолком света попадало мало. Потолок закоптили чадающие свечи, которые отбрасывали причудливые тени исполняющих танец невиданных существ.

– Да уж, видимо туалет совсем близко. И судя по вони, король испражняется совсем не пирожками с яблоками, – усмехнулся Деян. От серых каменных стен оттолкнулось эхо и повторило слова странника.

– Не завидую я их придворному уборщику. Поди, ещё почисть эту яму. Не пойму, я один здесь что ли?

– Хи-хи...

Деян развернулся. За аркой стоял человечек в колпаке на маленькой головке. По всему видно – это придворный шут. Он показал посетителю язык и, прыгая на одной ноге, заскочил в комнату. Его широкие штаны из зелёного шёлка шуршали при каждом движении, а жёлтая рубаха, подпоясанная длинным серебристым поясом, блестела в свете свечей. Башмаки с длинными загнутыми кверху носами задорно стучали каблучками по полу. Шут снял высокий колпак, сшитый из разных лоскутков ткани, и поклонился гостю, стоя на одной ноге. Блеснула лысая макушка. Шут оказался не мальчишкой, а вполне зрелым мужчиной. Выражение его глаз выдавало умудрённость жизнью и ясный ум. Но, мужчина явно не желал, чтобы об этом знали окружающие. Серьёзное выражение лица мгновенно сменилось маской слабоумного паренька. Он начал бегать вокруг Деяна и щипать того за бока. Будь они в другом месте, он зарядил бы остряку по зубам, но здесь пришлось сжать кулаки, и проявить равнодушие.

– У нас сегодня пир! – весело поделился новостью шут. – Тияки-Ту-Ту-Ла будет петь песни и плясать.

– Ты что ли? – усмехнулся Деян.

– Я, конечно же, я, – пропел шут и принялся скакать по комнате. Разогнавшись, он зацепился носком за пучок слипшейся от воска соломы и растянулся на полу. Однако тут же вскочил на ноги, поднимая за хвост большую серую крысу, которая визжала похлеще поросё.

– Брось, – посоветовал Деян, – пока заразу не подхватил.

– Я знаю, что они заразные, – весело ответил лысеющий Тияки-Ту-Ту-Ла, и кинул крысу об стену. Она угодила прямо в грудь стражника, и он с силой откинул её в сторону. На этом мытарства серой твари закончились. Ударившись головой о каменный выступ, крыса упала на пол, разбрызгав капли крови из разинутой от боли пасти.

«Плохо с крови начинать, – мелькнуло в мыслях Деяна».

Шут быстро спрятался за спину гостя и указал на него пальцем, широко улыбаясь и показывая гнилые зубы.

– Это он, – пояснил Тияки-Ту-Ту-Ла. – Я ему говорил: брось, она заразная. А он пугал меня, – пожаловался шут.

Деян усмехнулся находчивости прихвостня и покачал головой.

– Пошёл вон, – рыкнул стражник на шута.

Того как ветром сдуло, только в воздухе остался запах пота и мочи.

– Его величество ждёт, – обратился страж к гостю.

Деян последовал за охраной. Они миновали коридоры замка, больше походившие на лабиринты, и приблизились к Тихому чертогу.

Глава 9

Всюду мельтешила челядь. Одни ползали на коленях и скребли полы, другие тащили вязанки свежей соломы, и меняли свечи. В воздухе витал аромат копчёных свиных рёбрышек и жареной репы. Деян сглотнул слюну и посмотрел на вспотевших слуг. С ввалёнными глазами и костлявыми руками, усталые и сонные, не желая быть наказанными, они чётко выполняли свои обязанности. Ещё больше: не хотели потерять место работы.

Стражник спешил. Деян следовал за ним. Вскоре послышались гневные вопли короля. Он забрался на трон и махал кнутом, который отобрал у конюха.

– Кроветки, это уже шестой воин за последнее время. С таким ходом событий у меня скоро не останется армии. Куда смотрели? – брызгая слюной, продолжал визжать государь. – Караул удвоили, факелы горят день и ночь, ни одного тёмного угла нет. Как такое случилось, а? Новая луна сегодня. Что седьмого ждать? Где? Где его нашли?

– В свинарнике, – тихо ответил конюх. Он спокойно служил добрых два десятка лет на королевской конюшне, и на тебе, стал получать нагоняй каждый день.

Слуга мял льялую шапку в руках, покраснев до самых ушей, и не отрывал взгляд от пола. Вдруг мужик упал на колени, бухнулся лбом об пол и заплакал. Он молил о прощении и пощаде, только король даже не взглянул в его сторону.

Спрыгнув с трона, Максимиан II отшвырнул кнут в сторону барона. Тот успел увернуться, и рукоятка угодила в лорда Сотика. Он перехватил кнут, потёр место ушиба, и горько вздохнул.

– Почему привели его, а не стражу, упустившую чудище? – государя озарила догадка.

– Конюх видел «нечто» своими глазами, и мы решили его расспросить ещё раз, – ответил советник по государственной безопасности.

– Отпустить немедленно. У него и так забот хватает. А как в свинарник попал погибший, позвольте поинтересоваться у вас, милорды? – обратился Максимиан II к советникам. Он проследовал к окну, выглянул во двор, ударил кулаком о стену, и подпрыгивающим шагом вернулся к трону. – А? Кто должен был находиться у ворот? В чём клялся начальник караула? А где он, кстати? – сыпал вопросами монарх, усаживаясь на трон.

– Я здесь, Ваше величество, – ответил стражник, который в этот момент вошёл в чертог вместе с Деяном. Оба поклонились королю, но ближе подошёл только стражник.

– Лорд Дански сам вызвался вечером на дежурство. На службе он всего лишь месяц, а прибыл из Эджолгундии. Временно поселили его в донжоне. Нареканий не было. Службу нёс исправно. В карауле он находился не один. Сира Миргирта взяли под стражу и допросили.

– Это тот самый, которого в «друзья» мне отправил барон Сольдо? – дошло до короля. – Вы что, все ума лишились? Гибнут лорды, посланные знатными родами мне на верную службу. Этак дело дойдет до войны. А, может, кто-то осознанно к этому подводит? Всех в темницу. Это явно сделал кто-то из обитателей замка. Он рядом. Чудовище среди нас.

«Ага, тот лорд – маршал, – отметил про себя Деян. Он скромно стоял в стороне и слушал. – Там стоит писарь. Держится поодаль от всех».

Высокий, худощавый мужчина с пером и свитком в руке пытался наспех что-то царапать, и при этом слушать.

– Вы, милорды, советники, – резко вскрикнул король, обращая взор на лорда Сотика, – чего же молчите, а? Где ваши советы? Для чего занимаете место подле меня?

Он резко вскочил на ноги и захрипел. Вокруг собралось не так уж много придворных служителей, а стража вообще находилась за дверью, но ему казалось, что он задыхается от того, что весь воздух вобрали окружающие. Усевшись на трон, Максимиан II принялся тереть большой палец правой руки. В глазах потемнело, и нарастал шум в ушах. Он откинул голову

на обитую бледно-розовым шёлком спинку трона и затих. Бароны пятились к выходу, канцлер скрутил свиток и забился в угол, маршал взглянул в сторону одинокого странника и отвернулся. Один Деян смело смотрел на Максимиана II.

Воцарилась тишина, и только где-то попискивал мышонок и скрёб лапкой, но это ни на кого не произвело впечатления.

Воздух пропитался сыростью то ли от камыша, разбросанного на полу, то ли от стен. Сказывалась близость моря и приближение дождей, что создавало влажность в помещениях.

Лорд Сотик всё же решился подойти к его величеству и заглянуть в лицо. Сделав это как можно тише, он вскоре отпрянул. Король начал громко хохотать и сильно тереть палец. Лорд Сотик взглянул на лорда Бенджена и вздохнул с облегчением. Похоже, в этот раз приступа не будет.

– Ваше величество, – громко обратился советник, чтобы отвлечь короля от истерии, – я советую в караул назначать больше воинов, и каждой отдельной группе выдать по рогу, чтобы в случае опасности они могли предупредить остальных.

– Прошу простить мне вольность, – послышался глухой спокойный голос, будто шелест пера о бумагу, – мой совет – нужно чаще патрулировать улочки и проулки. А самое главное, чтобы после звона колокола не было на улицы ни единой души.

До того чудно прозвучал чужой голос в этом помещении, что король замер, а после медленно повернул голову на звук. В этот момент во дворе послышались удары меча о щиты, и чёткие команды. Начались учения молодых рыцарей – стажёров. Неловкий момент превратился в удивлённый миг.

– Ваше величество, позвольте представить единственного отчаянного удалыца, который после оглашения указа на Торговой площади, отважился отыскать чудовище, – быстро пояснил маршал, дабы не навлекать больший гнев правителя.

– Как одна креветка одолеет морскую волну? – гневно сверкая глазами, прошипел король.

– Ваше величество, пусть пробует, – посоветовал маршал. – Простолюдины больше знают, лучше слышат и дальше видят.

– Ты, верно, не слышал, что у нас и так введён комендантский час, а? – обратился король к Деяну и направился в его сторону. Голова кружилась, но он старался не подавать вида. – Это вызовет бунты, а мне они не нужны. Тем более, перед свадьбой.

Деян стоял, расправив плечи, и смотрел в глаза королю. Его тяжёлый взгляд угнетал собеседника, но, король оказался достойным соперником, и тоже смотрел в глаза простолюдину. Все проблемы отошли на второй план, потому что Максимиан II озадачился. Странник ему смутно кого-то напоминал. Только головная боль не давала сосредоточиться. В этот момент в чертог забежали две собаки. Одна в зубах волокла крысёнка, а вторая, поменьше, вывалив язык, сразу метнулась к королю, виляя хвостом. Это дало повод государю отвести взгляд от чужака, ведь пёс схватил его за полу туники и потянул за собой. Король ударил собаку ногой и вернулся на трон.

– Вы, Ваше Святейшество, что думаете? – обратился король к священнику, который сидел на табурете у второго окна, и вроде как дремал.

– Это дьявол, – прошептал старичок в сутане. Видимо не дремал, а делал вид. – Это нечто человеческое, может опоенное чем-то, вовлекает отважных рыцарей в свой круг. Искать ответ надо у ведьмы. Я говорил, их нужно истреблять. Кто-то имеет сильнейший дар дьявола и губит молодые сердца.

Мужчины переглянулись между собой, но промолчали.

– Добавлю ещё одну золотую монету тебе, бродяга, если поймашь чудовище, – высокомерно поглядывая в сторону Деяна, молвил король.

«Дать бы тебе в зубы, жаба, – подумал странник».

Он поклонился и собрался уходить.

– А что же ты, удалец, ничего не спросил больше? – удивился Максимиан II, дразня Деяна для собственного развлечения.

– Всё что мне следует знать, Ваше Величество, я услышал. Позвольте откланяться?

– Каков наглец! – прошипел король. – Но я уважаю таких отчаянных. Их потом вешать приятнее всего.

Присутствующие переглянулись, а король, закинув ногу на ногу, посмотрел на маршала.

– Милорд, проводите гостя, – милостиво разрешил Его величество. – Не поймает чудище, будет казнён. А пока пусть идёт. А мы с милордами обсудим два вопроса и поспешим к развлечениям. Сегодня будет знатный пир, и я порядком проголодался.

– Слушаюсь, государь, – с облегчением проронил маршал и кивнул Деяну, указывая на дверь.

Странник ещё раз поклонился и вышел из чертога. За парнем следовал начальник стражников.

– Парень, ты не держи зла на монарха – он любит пошутить, – сир Гайван обратился к Деяну.

Парень кивнул в ответ и проследовал за стражником, который ожидал у дверей.

– Если ещё кто придёт, лорд Бургский, добавьте по одной монете к обещанной награде, чтобы старались, – распорядился Максимиан II, обращаясь к казначею. – Этот мне совсем не понравился. Есть креветка, а как заносчив. Кто таков?

– Не могу знать, Ваше Величество, – ответил лорд Сотик. – Больше походит на чужеземца.

«Кого-то он мне напомнил, но кого? – про себя отметил лорд Сотик. – Эти умудрённые жизнью глаза я уже видел когда-то. Не может быть, чтобы это был он. Не верю».

– А надо бы, – отвлёк советника по государственной безопасности от раздумий голос государя. Последнюю фразу лорд Сотик озвучил довольно громко, на что и ответил Максимиан II. – Вы стали плохо исполнять свои обязанности. Скоро всех вас разгоню.

– Ваше право, государь, – ответил лорд, кланяясь. – У меня только будет вопрос. Во время пира обратитесь к народу с балкона? Мне потребуется сделать распоряжение командиру армии, чтобы выставить рыцарей близ колонн.

– Мы с будущей женой даём обед придворным и знати. Влиятельные личности нас посетили, и негоже мне отвлекаться от них на народ. Нам важнее сторона востока, их поддержка. Где ещё мы сможем сбывать наши камни за такую высокую цену? Вот герольд пусть выступит с обращением, а для пущей важности, милорд, слушателям кинь несколько серебряных монет. Так, теперь решаем остальные вопросы и отправляемся на пир.

Пока на королевском совете обсудили момент с пиратами, нападающими на торговые суда в морском заливе, королевский маршал проводил Деяна до полуопущенной железной решётки у главного входа в замок. Как только стражники подняли кованую преграду, странник вышел на свободу. Он с наслаждением втянул не совсем чистый, но такой вольный воздух. Стены замка его тяготили, а этот зазнайка с короной на голове, вывел из равновесия. Скоро он сядет за длинный обеденный стол и начнёт объедаться, в то время как голодают жители его града и близлежащих деревень. Деян повернул голову в сторону, и заметил, как стражники отогнали босого, в рваной рубашке калеку. Всклокоченный, грязный мужчина, опираясь на дубинку, прыгал на одной ноге, а вторая – по колено была отсечена. И уж чего не ожидал увидеть странник, так это слёз в глазах мужика. Он взглянул на стражу и пошёл в противоположную от калеки сторону. У двери дома по улице Башмачной сидели два малыша, годика по два от роду. Один мусолил огрызок, а второй – плакал и глотал сопли. Малыш был голоден и косился на огрызок. Деян вспомнил, что у него в кармане лежит ломоть хлеба, которым он так и не успел позавтракать. Он подошёл к детям, присел перед ними на корточки и поделил хлеб. Они принялись глотать, не пережевывая. В тот момент дверь отворилась, и на улицу вышел

краснолицый толстяк. Он почесал пах и удалился. Следом выглянула молодая женщина. Она повязала платок на голову и направилась к детям. Заметив взгляд мужчины, поняла, что не опустила подол платья. Шлюха улыбнулась Деяну и оправила одежду.

– Ко мне? – спросила она, хлопая ресницами.

Странник погладил малышей по волосам и пошёл своей дорогой. Ему всё время встречались нищие, пытающиеся выжить люди. Парень спешил в таверну, чтобы скрыться от этих усталых, безнадёжных взглядов: он один из них, такой же обездоленный чужак. Хотя этим Деян гордился. Ему совсем не хотелось думать о том, что происходит в замке, но почему-то это отчётливо представлялось.

***

Король с невестой сидели за «важным» столом. Еду им подавали первыми. Это были блюда с экзотическими специями и обилием сиропов. Угри и миноги, политые сложными заправками, подавались самыми первыми. Оленина под соусом из трав и специй сочилась маслом. Кроме этого, подавали жареных воробьёв и маринованную осетрину, да в таком количестве, что весь град накормить можно. Уже после мясных закусок вносили блюда с фруктами и орехами.

Менее важных гостей разместили в конце длинного стола, где было темнее и холоднее, а угощения подавали без изысков. По обеим сторонам от короля сидели родственники и особые гости, которые так же могли позволить себе отведать жареных фаршированных поросят, печень гусей, головы пулярок в желе, гребни живых каплунов.

Уставшие слуги вносили всё больше блюд. Король особенно любил щуку в соусе. А вот его избранница лакомилась жареным павлином. Про овощи и говорить нечего, они всегда подавались в изобилии к мясным блюдам. И главное – мягкий белый хлеб. Ели знатные люди руками, и часто использовали ломоть ароматной выпечки как тарелку.

В конце трапезы всех угостили сыром, уже когда платья господ трещали от набитых животов.

Медовое вино, брусничная наливка, клюквенное пиво, хлебный квас – лились рекой.

Слуги слушали урчанье в животах, изнемогая от усталости.

Как же отчётливо Деян представил эту картину королевского пира в сыром унылом замке. А на деле, именно так и происходило в тот момент.

Рядом со скамьей, где восседали важные гости, бегали дворовые псы, которым перепало полакомиться деликатесами. Подданные особо щедро раскидывали объедки и кости, когда «заливали глаза» из сосудов с вином.

А уже после долговременного застолья начинались столь обожаемые королевской свитой развлечения. Под одобрительный свист мужчин и хихиканье дам, начинали свои пляски скорморохи. Чудаковатый шут бегал за звездочетом и пытался вылить ему на голову воду из чаши, где гости мыли руки.

Затребовав тишины, лорды любили читать стихи своего сочинения, чем ввергали спутниц в восторг. Сытая и весёлая знать внимательно слушала песни менестреля, который часто играл на свирели или звонко зачитывал куплеты.

После этого они отправлялись на прогулку в сад, либо в покои для отдыха. Несчастливая челядь принималась убирать со стола, спотыкаясь об развалившиеся сытых псов. Вдыхая аромат блюд, где смесь специй щекотала ноздри, а запах копчёностей вызывал спазм желудка, они глотали слюну. Под страхом казни, слуги всё же умудрялись ухватить с тарелки кусочек и жевали, замирая от благоговейного трепета во всём теле.

Церковники как могли, боролись с господами по поводу их чревоугодия, но это не приносило никаких результатов, даже во время Великого поста.

Знать веселилась и жирела, а нищие чесались от вшей, буквально выедающих кожу по всему телу. Они страдали от расчёсов и болячек, которые гноились и воняли. Люди болели

тифом из-за наводнивших градские улицы крыс; заражались смертельными заболеваниями из-за воды, которая близко не напоминала родниковую. Буквально в нескольких шагах от королевского замка люди замертво падали от обезвоживания из-за кровавого поноса. Инфекции поражали одного за другим, но это никоим образом не влияло на развитие ситуации в замке. Там не заражались и не болели, однако рыцари сводили счёты с жизнью один за другим, да сквозняк разносил неловко обронённое слово.

***

В замке шёл самый разгар веселья. Король отплясывал с будущей супругой под песни удалого голосистого менестреля. Вокруг них скакал Тияки-Ту-Ту-Ла и созывал знатных особ присоединиться к нему, водить хоровод. Свита громко смеялась над придурковатым шутком, который хитро осматривал большой зал. Вино за столами буквально лилось рекой, а пролитое пиво пенной шапкой растекалось по столу. Собаки лаяли и сновали под ногами гостей. Даже церковник сидел в уголке и дремал, разомлевший от трёх чарок сладкого виноградного винца. Спиртное привезли с собой в дар сопровождавшие восточную невесту магистры оффиций – герцог Самаркан и князь Виршинбургский. Помимо её сопровождали два десятка слуг, три верные фрейлины, кузен – лорд Пишта со своей супругой, и консул – лорд Стапсон. Молодой король сразу же понравился принцессе. Она флиртowała с ним, искренне смеялась над его шутками и нежно держала за руку. Покинув веселившийся народ, молодые уединились на галерее, выходящей на восточную сторону замка. Оттуда открывался вид на небольшую речушку и раскинутый над ней полукругом деревянный мост. Прямо за рекой начиналась посадка плодово-ягодных культур. Сейчас там никого не было, но ещё совсем недавно мельтешили работники, садовники и сборщики урожая. Оторвав взгляд от созерцания своих владений, король посмотрел в глаза будущей супруге и удивился тому, как быстро она завоевала его расположение. Он не только захотел жениться, но и больше всех торопил столь значимое событие. Государь потерял покой, восторгаясь красотой Леи. И его понимала мужская часть обитателей замка. Девушка казалась им сказочной принцессой. Стройная и маленькая – она вызывала желание защитить её от всего мира. Тонкая талия плавно переходила в широкие бёдра и худые ножки, а грудь колыбалась в такт каждому её шагу. Девушке месяц назад исполнилось четырнадцать лет, и она только наливалась женственным соком. Пылкие ночи молодому королю будут обеспечены до самого рассвета. Максимиан II смотрел на суженую и не смел отвести взгляда.

Лея любила ходить с распущенными волосами иссиня-чёрного цвета, струившимися до пят. Девушка не признавала современную манеру, и не прятала их под платками, чепцами и шапками. Она надевала диадему с жемчугом, который так напоминал её маленькие ровные зубки. Длинные ресницы трепетали как тонкие крылья бабочки и стыдливо прикрывали тёмные очи. Их хищный прищур красиво оттеняли длинные стрелки. Тёмный цвет гладкой кожи, и тонкая полоска едва пробивающихся усиков над губой, – не оттолкнули ни одного претендента на её руку и сердце. Да только девушка покорно согласилась с доводами отца и уехала на север, подальше от жаркой пустыни с её огненными вихрями, белесыми барханами и крикливыми верблюдами. Покинула родную страну, и, как ей казалось, не пожалела.

Глава 10

Пока пир в замке набирал обороты, странник находился в таверне. Он не собирался спать. Собрать в дорогу было нечего, кроме нескольких лепёшек, прихваченных с кухни, и пива, налитого в бурдюк. Собрав нехитрые пожитки, Деян осмотрел себя. Скоро зима, и следует добыть одежду теплее. Если сейчас ветер так и норовит сорвать с него плащ, то зимой нужны будут шерстяные бриджи. Сапоги обтрепались сверху и истёрлись на подошве.

«Потом, это всё потом, – подумал Деян. – Вот получу деньги за чудище, тогда разживусь. И на дорогу останется».

Закинув узелок на плечо, он спустился с лестницы и на нижней ступени столкнулся с хозяином.

– Милорд, Вы куда? – испуганно спросил «бочонок».

– Ночь хороша для прогулки, – ответил Деян. – Не бойся за меня, мил человек.

– Вчера ещё одного рыцаря убили, – пояснил хозяин, переминаясь с ноги на ногу и выше поднимая руку с огарком свечи. Подняв голову, он смотрел на постояльца. – А того дня, совсем мальчика погубили. На службу к королю прибыл парнишка – сирота. Его и оплакать-то некому. На ольхе висел. Чудовище не щадит никого. Особенно с тобой не будет церемониться, ты и вовсе разбойник. Я не за тебя боюсь, а за то, что не заплатил мне за день.

– А, вон оно что, – рассмеялся Деян. – Жаба и есть жаба. Раз я бандит, то на «ты» быстро перешёл. Не бойся, на, смотри, какую монетку для тебя припас.

Деян спустился со ступени, задев плечом хозяина заведения. Он кинул ему под ноги кормамар и последовал к двери.

В таверне никого не было. Только стойкий запах перегара, кислой настойки и пирога с мышами, напоминал о недавних посиделках гуляк.

Деян вышел на улицу, и его сбила с ног волна холодного ветра. Удивлённый хозяин смотрел ему вслед и качал головой. Когда с улицы послышался стук, он поднял монету и поспешил запереть дверь. А Деян в этот момент направился к водосточной трубе. По ней он забрался на крышу таверны. Страннику было легко передвигаться по примыкающим друг к другу верхушкам. А если где и расходились, он спокойно перешагивал и спешил дальше. Парню было видно всю округу. А вот его нет. Снизу не было заметно даже звёзд на небе, не то что одинокого путника. И главное, ему не нужно было прыгать. Иначе он произвёл бы много шума. Через несколько домов Деян решил присесть и подумать: куда следовать дальше. Свесив ноги, он отвёл назад руки и посмотрел на небо. Звёзды жили своей, отдельной жизнью. Одни мигали и норовили соскочить вниз, другие – светили ярко и дерзко. Иногда их закрывало облаками, но тонкого серпа заметно не было.

– Ну, и какая вам всем новая луна? – пробормотал скиталец. – Жабы, вас надули эти напыщенные индюки, именуемые себя звездочётами. Из-за того, что дальше своего носа не видите, вас сумасбродят. Завтра луна народится, не сегодня. И что мне теперь делать? Остаться здесь – дуже холодно.

Деян поёрзал и почесал нос. Он начал озадаченно озираться вокруг, и взгляд его упал на окно противоположного дома. При тусклом свете догоравшей свечи виднелась парочка. Толстая девица оперлась руками о подоконник и отставила мясистый зад, к которому прижался худой мужичок и наяривал взад-вперёд. Груды девушки колыхались в разные стороны, и мужик никак не мог за них ухватиться. Приходилось держать её одной рукой за ягодицу, а пальцами второй цепляться за волосы, чтобы совершать яростное совокупление. Девица блаженно улыбалась, и не пыталась сдерживать крик. Мужик в запале любовной игры принялся хлопать её по заднице. В этот момент распахнулись несколько ставен, и показались заспанные физиономии жильцов, которые ругались, потрясая кулаками.

Деян ухмыльнулся, сплюнул и перевёл взгляд на окна первого этажа. В отсвете одного узкого проёма мелькнула тень. Парень присмотрелся и оживился. Так и есть – тень осторожно двигалась по улице. От нечего делать странник решил проследить за ней. Тень двигалась бесшумно и пряталась у стен зданий. При этом явно направлялась она в сторону замка. У парня от любопытства вспотели ладони, и он отёр их о штаны. После этого он выдернул кинжал из ножен, приготовив на всякий случай. Над головой вдруг пролетел ночной ворон и задел крылом по макушке. Пока парень отвлёкся на птицу, тень исчезла. Деян решил немного подождать, и прислушался. Наконец-то девица затихла, разомлевшая от страстных игр, и на улице наступила тишина. Но буквально через пару минут покой нарушили. Прошагала стража, бряцая доспехами. И только устрашающе развивались чёрные плащи за их спинами. На узком перекрёстке они разошлись по трём сторонам.

– Не ходили бы по ночам железные жабы, не ловили бы вас как цыплят, – прошептал Деян. Но фразу он едва закончил, потому что услышал вскрик.

Кто-то был поблизости, и этот ночной гуляка явно чуть не упал, шумно вздохнув. Появилась тень. То самое видение, которое так озадачило парня своим исчезновением. Тень двигалась быстрее, и напоминала женский силуэт. Внизу было слишком темно. Деян повёл носом, в надежде распознать запах этого ночного чуда. Однако кроме мочи, отходов и разлагающихся трупов животных, не было ни единого постороннего запаха.

Чудище повернуло голову назад, убедиться, что нет погони. Именно в этот момент Деян увидел её. Он не мог вспомнить, где видел раньше эту особу; но точно они до этого встречались. От её лица шло притяжение. Бледное свечение, будто ореол луны отражался из глубокого капюшона потрёпанного в лохмотья плаща. Решив проследить за тенью и всё до конца выяснить, Деян медленно сполз по узкой трубе. Он твёрдо вознамерился проводить чудовище до места назначения. И проводил. Годы воровской жизни не прошли для него даром. Скиталец умел двигаться бесшумно, словно кошка, и видеть в темноте даже лучше, чем хвостатая. Куда пришла тень, оказалось обычным жилым домом по улице Булочная. Это был небогатый дом, а скорее, даже не самый благополучный район. Ставни на окнах покосились, а краска облупилась. Дом оказался деревянным, построенным по старине. Такие дома часто сгорали дотла, чему свидетельствовал соседний, выгоревший до самой земли. Кое-где торчали обугленные балки, и остро пахло отсыревшей золой. Деян поморщился. Он понял, что кто-то лишился торговой лавки, а, следовательно, жилья и заработка.

«Наверно, и этот дом торговца, – подумал Деян. – Кто-то явно выходит мстить. И, я его понимаю, если честно».

Видение скрылось за дверью, и в окне вспыхнул огонёк свечи. Тень скинула с головы капюшон, и по плечам рассыпались длинные волосы. Деян увидел девушку. Он не мог поверить, что видит молодую, хрупкую особу.

– Тошная, как палка. Словно дитя, – изумлённо прошептал странник. – Неужели она творит такое с мужами?

Он постоял ещё несколько минут и пошёл в таверну. Теперь следовало задержаться в этом граде дольше, чем он предполагал. Всю дорогу парень думал о том, как король отнесётся к деяниям молодой женщины. Не помилует, это точно. Но, не казнить же её?! И вдруг он вспомнил, как проходил по площади Грешников, на которой была возведена виселица. На ней болтались четыре трупа, уже порядком поклёванные вороньём, а ноги обглоданы собаками. Король не распорядился, чтобы их сняли. Это было показателем для жителей Нордвинда, в назидание, так сказать. И что же можно предположить по поводу девчонки, которая убивает людей короля?!

По возвращении в «Кракен», Деян не смог сомкнуть и глаза.

Глава 11

– Мира, как только отнесёшь хлеб в замок, сразу возвращайся, – обратилась женщина, с сединой в волосах, к дочери.

– У нас планы? – обернулась та к матери, которая развешивала мокрые рубашки на тонкой верёвке посреди небольшой комнаты. Сама девчонка в это время складывала булочки и кругляши хлеба в плотный мешок.

– Мне нужно на рынок сходить, – пояснила мать, разгибая спину и разминая её рукой. – У ткачихи Вербины следует забрать несколько длинных мягкий лоскутов. Я торговалась с ней до этого. Тебе она не уступит, поэтому пойду сама. А ты последишь за братом. Его никак нельзя оставлять одного, тем более теперь, когда он начал ходить.

– Да, мама, я понимаю. Наш Экос может попасть в любую переделку, ведь ему не понять, что плохо, а что хорошо, – согласилась девушка и взвалила мешок с хлебом себе на плечо.

– Вот и хорошо, дочь, поторопись, – попросила женщина и вытерла пот со лба влажной рукой. Она уставала и валилась с ног, но вида дочери не показывала.

Той тоже живётся несладко. Дочери двадцать лет, а у неё вид ребёнка, только как у старухи стёрта до крови кожа на плечах, болят руки, а на ногах мозоли, которые не успевают заживать. Ей некогда наливатья девичьим соком и расти. Но она не сдаётся. Вот и ей, взрослой женщине, нельзя унывать.

Пока мать вела мысленную беседу с собой, Мира вышла на улицу и двинулась в сторону замка по заваленной листвой улице. Листья медленно кружили в воздухе и с тихим шелестом оседали под ноги, прикрывая нечистоты ярким пурпурным ковром. Пахло жухлой травой, помоями и гнилыми яблоками.

Мира никак не могла привыкнуть к такому амбре, и её частенько тошнило. Только на подступах к замку воздух стал значительно чище и гуще. Девушка спешила, но что-то заставило её повернуть голову. На другой стороне улицы она заметила мужчину, который привалился к стене. Незнакомец направился к ней. У него были чёрные как смоль волосы, и как луна, белесого цвета глаза. Создавалось впечатление отталкивающей внешности, но в то же время и манящей. Девушка собралась бежать, что с мешком за плечом сделать было невозможно. Тогда она отвела взгляд и устремилась вперёд. Вблизи странник оказался моложе. Лёгкая щетина на впалых щеках придавала парню мужественный вид.

– Девушка, постой, – тихо, но уверенно обратился незнакомец. Он спешил за Мирой, подстраиваясь под её шаги.

– Некогда мне стоять, – как-то отрешённо произнесла булочница хриплым низким голосом. Всеми виной незалеченная простуда и сырой климат.

– Я не отниму много времени, – не отставал незнакомец. – Я недавно прибыл в этот град, и не знаю всех законов и порядков. Может, мы могли бы немного поговорить?

– Законы и порядки везде и для всех едины, – отчеканила девушка и направилась в сторону стражников.

Деян проводил её взглядом, потёр шею и сморщился от боли. Он не пошёл дальше, а спрятался за широкий вяз, растущий поблизости.

Мира остановилась близ стражи и дожидалась, пока ворота-колья медленно поднимались. Её взгляд встретился с молодым стражником. Он с интересом разглядывал девушку. Она смотрела на воина. Когда ворота поднялись, девушка прошла, но всё же обернулась и улыбнулась кавалеру. От неожиданности он вздрогнул, но быстро отвлекся на толпу. Среди людей стоял шум. Кто-то спорил о товаре и цене на него, а кто-то торопился домой.

В кухне замка Мира провела всего четверть часа. Она быстро поставила полный мешок хлеба в угол и отправилась назад. Когда за спиной захлопнулась дверь дома, хозяйка принялась

хлопотать над братом. Весь день девушка посвятила уходу за больным, и не заметила, как вечер вступил в свои права.

Глава 12

По улице, ступая босыми ногами, двигалась тень. Надвинув на голову капюшон старого плаща, больше напоминающего лохмотья, она опиралась на меч с набалдашником вместо эфеса. Тень направилась по улице до перекрёстка. Свернув налево, дальше двигалась до развилки и вдоль вспаханного поля. Таким образом «нечто» добралось до королевской конюшни, где нёс пост молодой стражник. Стоял он один и смотрел вдаль.

Из загона доносилось ржание лошадей, шорох соломы и бормотание конюхов. Воин смотрел на новую луну и улыбался. Ему казалось, что жизнь удалась. Попасть на службу к королю не просто. Он будет стараться угодить, а там глядишь – за верную службу пожалуют клочок земли и возведут в чин лорда. Такие славные мысли были бессовестно прерваны. Со спины ему на глаза опустились тёплые ладошки, пахнущие ночной фиалкой. Погладив руки, стражник обрадовался, что его посетила дева. Почему бы и нет? Она убрала ладони и вышла ему наперёд, предварительно приложив палец к губам, чтобы молчал.

Тень скинула капюшон при свете факела и, взглянув воину в глаза, пошла за угол конюшни. Стражник как зачарованный шёл следом. Она ушла вперёд и начала кружиться, издавая странные звуки, напоминающие плачь. Воин остановился и следил за действиями. Его голова кружилась, а в ушах шумело. Чудовище продолжало свой танец, подвывая. Мужчина не выдержал и кинулся вперёд. Да только оно отскочило и начало виться вокруг него. Тогда стражник упал на колени и зажал уши руками. Время шло, вой продолжался, а воин не сдавался. Он пытался не слушать и не смотреть на этот смертельный ритуал. Единственный, кто так долго продержался, но дьявольская пляска всё же одержала верх. Стражник поднялся на ноги и, пошатываясь, двинулся в сторону конюшни. Чудовище пританцовывало рядом, но уже в тишине. Оно проводило свою жертву до конюшни, чтобы дожидаться окончания. Воин выхватил меч из ножен и вогнал себе в живот, медленно падая на колени. Его хрип огласил округу. Близился рассвет, но чудовище медлило: важно увидеть, как умрёт воин. Он издал последний свистящий звук и затих, падая лицом в конский навоз. Чудище накинуло капюшон и собралось уходить, ведь силы покидали, а дар дьявола умирал вместе с очередной жертвой.

Неожиданно из-за угла выскочили конюхи. Их было пятеро. Тень вспорхнула лохмотьями плаща и метнулась в сторону. Ей преградили путь. Действие разворачивалось в тишине, и это наводило больший страх. Самый старший, длиннородый конюший первый кинулся на тень. Она ловко ударила его в живот набалдашником меча. Схватившись за пупок, старик свалился и закричал. На смену ему спешили два брата. Оба невысокие и лысые, с хищным блеском в глазах. Они старались захватить тень в кольцо, но она отскочила в сторону и вогнула меч в живот скрюченного старика. Меч вошёл как нож в масло в тот момент, когда братья ударились лбами друг о друга и упали навзничь. Остальные были более осмотрительными. Они загнали чудовище в загон и начали гонять по конюшне. Дар ослаб и тень устала. У неё появился страх перед здоровыми мужами. Девушка ничего не понимала и не помнила.

«Всевышний, помоги, – взмолилась она про себя. – Чего они хотят? Почему я не дома?»

В стойлах ржали кони, рядом раскинув руки, к ней подступали провонявшие потом мужики.

Девушка упала на спину. К ней тут же подскочил один из преследователей. Она посмотрела ему в глаза, после чего он замер и осел. В этот момент её ударили по голове.

***

Человек, сидевший на крыше и следивший за происходящим, тяжело вздохнул. Он решил покинуть это место, пока не сбежалась стража.

***

«Я теперь и не знаю что делать. Ну, надо же, совсем девчонка, а такое творила, – размышлял Деян. – Дьявол в ней играл, не иначе. Мне, конечно, нет до этого вообще никакого дела, но раз взялся за заказ, надо его выполнить. Нужны деньги. Да и засиделся я в этом граде, пора уходить. Вот только дьяволёнка из тюрьмы вызволю, отвезу лорду, и уеду. Далекое уеду. Есть грады богаче этого, красивее и чище. Там и люди зажиточнее, а кошельки у них тяжелее и звонче. Вот там-то я точно задержусь».

«Нет, мне не нравится быть вором, но я привык так жить, и не могу иначе, – оправдывал себя странник. Он размышлял о непростой доле. – В этом смысл моего существования. Таким образом, удаётся вымещать злость на мать и весь мир в целом. С пяти лет я не знал ласки и любви, и давно забыл, что значит любить кого-то, быть рядом, защищать, оберегать и быть семьёй. Давно один. Никто и ничто не держит, ни перед кем не нужно держать ответ. Но, дьявол дерит, я устал от этой свободы. Да, сейчас я обманываю сам себя. Я хочу любить. Хочу быть кому-то нужным. Да, мне всего шестнадцать, а на деле – будто все восемьдесят. Я знал не мало женщин, я их пользовал, но не получал от этого никакого удовольствия. Они стонали, закатывали глазки и шире разводили ноги, а я скользил в глубине недр и чувствовал натруженные мозоли внутри их естества. Бедняги трудились день и ночь, не сводя бёдра вместе. Кто-то делал это ради удовольствия, а другие – чтобы накормить семью. Однако их труды оборачивались гибелью. Молодые девочки умирали от разрыва внутренних органов, от побоев и множества заболеваний. И однажды я понял, что не хочу ни одну из них. Да, я сам из трущоб, но это не значит, что не осталось во мне ничего человеческого. Я молод и силён, и уж точно смогу заработать и прокормить жену и детей. Но их у меня нет. Одиноким волк постоянно охотится, чтобы щедро расплатиться за попойку в харчевне, заплатить мальцу конюху за содержание трофейного коня. Да, его я честно отвоевал у троих бродяг, которые напали на одного высокомерного герцога, скакавшего по лесному тракту в сторону замка суженой. Что стало с тем несчастным, мне не интересно, я всего-то положил глаз на его коня. Помню, накостылял я тогда тем воругам, а они навалили мне. Отбили почки, что моча шла с кровью месяц. Но, мой конь стоил тех жертв. Я пришёл в себя, а он был рядом – мой единственный верный друг. Скоро мы с ним отправимся в путь, вот только девчонку освобожу, да сдам на опыты.

«Ясно дело – поместили её в королевскую темницу. Как там расположены коридоры и лабиринты: мне ли не знать. Сам бывал не раз в «гостях», а после за отдельную плату выводил оттуда разбойников. Теперь осталось делом времени завладеть информацией. В какой-то степени, мне немного жаль её: молодая, красивая. Хотя, спорный вопрос, но я почему-то не хочу думать о женщинах, что они недостаточно хороши собой. О, Боже, Деян ты меня удивляешь! Прямо ведёшь набожные речи сам с собой, да ещё и витиеватым слогом. Может быть, ты сын какого-то знатного вельможи? – усмехнулся Деян про себя и продолжил диалог с внутренним голосом. – Она как-то тронула мою душу. Не пойму чем, но это так. И захотелось её потискать, приласкать. Ведьма-то, пооди, огонь на матрасе, раз такие вещи творит с мужами. Только я одного не понял: она кричала, пока кружилась, а звука не было слышно. Чудеса! Одним словом – чудовище. И сегодня мне предстоит разведать, в какой камере подземелья её содержат. Если заковали – это хуже, придётся цепи пилить, а на это нужно время. Инструменты понадобятся и много вина с сонным зельем, чтобы устранить препятствия в лице стражников. Так, об этом подумаю позже, а пока пойду в замок».

Деян решительно встал с продавленного тюфяка в своей комнате в «Кракене», натянул на ноги худые сапоги и разогнул спину. Сделал он это резко, и сразу шея натянулась как жила. Заныла вздувшаяся вена, а розовый рубец увлажнился. Поморщившись, странник обмотал шею чистой тряпицей, позаимствованной у хозяйки. Запахнув плащ, который был на размер больше, он скрыл складками на спине боевого товарища. Меч! Про него отдельная история, и об этом не сейчас. Стоит торопиться.

Выскочив за дверь комнаты, парень бегом спустился с лестницы, пересёк зал, где буянили посетители, и выскочил на улицу. На дворе стемнело. Под ногами хрустела листва под лёгким морозцем, и у Деяна сразу замёрзли ноги.

«Пора найти обувь, раз нет денег на покупку, – мелькнула мысль. – Не люблю зябнуть».

Парень вздохнул и посмотрел на небо. Ветер гнал облака, и из-за них мелькал бледный тонкий ободок луны. Месяц только нарождался и света давал мало. От высоких гор плыл туман, и окутывал окрестности. Сам горизонт окрасился тёмно-фиолетовым тоном от мороза. Ночь обещала стать холодной и особенно мрачной. «Прямо как на душе».

Сегодня не хотел Деян бродить по крышам, поэтому прогуливался по дороге, в надежде чем-то поживиться.

Путь до замка не близкий и есть время всё обдумать. А пока, накинув капюшон и сгорбившись как старик, парень отправился по пустынной улице в сторону крепости, а если точнее: ему следовало пойти к северным вратам. Именно оттуда начался его визит в Нордвинд. Не заваленный ход в полуразрушенной башне как раз ведёт в подземный лабиринт королевской тюрьмы. Да, ходов много, и придётся не один раз плутать, чтобы найти нужный, но бродягу никогда не останавливали трудности. Шаркая ногами, он ускорился.

Глава 13

Наступил закат. Очнулась девчонка в сырой тёмной яме, где рядом с ней бегали крысы. Живность видимо была сытой, иначе давно бы обглодали тюремщицу до косточек. Голова болела так, будто её раскололи надвое. Приподнявшись на локте, она другой рукой пощупала затылок. Волосы спутались и слиплись, превратившись в один большой колтун. А когда-то они были роскошными. Ей завидовали все знакомые девчонки.

Застонав от боли, Мира попыталась осмотреться. В темнице не одна. В углу явно кто-то сидел и тихо бормотал, но что именно, было не разобрать. Девушка хотела было подползти ближе, но этот кто-то выскочил из темноты и дико рассмеявшись, опрокинул её на спину. Ужас охватил ничего не понимающую булочницу до мурашек по коже. Жила тихо, никому не мешала. Что произошло на самом деле?

Мира смотрела на существо, которое смеялось. Безумная старуха уселась рядом и начала что-то бормотать. Девушка немного отползла от неё и прислушалась. Бабка иногда забывалась и произносила вполне реальные слова – казалась вполне вменяемой. Её волосы почти все выпали из-за нечеловеческих условий обитания, а одежда на худом теле истлела от времени. Эта женщина провела в тюрьме много лет, и давно потеряла счёт дням, но ход мысли всё же её не подводил. Она разговаривала сама с собой, чтобы слышать речь и не забыть, как её произносить. Пленница тихо пела колыбельную песню и переходила на вой, утирая впалые щёки от слёз. Женщина только разучилась ходить, и прыгала на четвереньках, чем распугивала обнаглевших крыс.

Мира перестала обращать на неё внимания и заговорила сама с собой, чтобы не было так страшно. Звук голоса успокаивал.

– Боже, что же со мной случилось? – шептала девушка. – Я ничего не помню, разве что самую малость. Что со мной сделают? А вдруг всё выяснится и обойдётся. Может, меня скоро отпустят? Помилуют, да точно, так и будет, ведь я не виновата ни в чём.

Старуха встала на четвереньки и подползла к девушке ближе. Она наклонила голову и придвинулась вплотную к сокамернице. Заглянув в глаза молодой узнице, она снова засмеялась, пахнув зловонным дыханием из беззубого рта.

– Ага, помилует он тебя, – хохотала женщина. – Он никого не щадит. Из-за него убили малютку. А ты милости к себе ждёшь.

Мира оттолкнула от себя женщину и перешла к стене, где высоко зияло отверстие, забитое кованой решёткой.

– Откуда знаешь? – зло спросила девушка. – Сама сидишь здесь лет сто, а судишь других.

– Пятнадцать лет я здесь живу, – пояснила женщина. – Я ничего не забыла, ничего. Да, кости мои рассыпаются прямо под кожей, а череп выели вши, но память ничем не вытравить.

Она прилегла на гнилую солому и, свернувшись калачиком, заскулила.

– За что тебя сюда заключили? – спросила Мира. Ей стало жаль эту женщину, кто бы она ни была в прошлом. Сейчас их объединяла общая беда. Девушка подошла к сокамернице и присела на колени рядом с ней. – Слышишь? Женщина, кто ты?

– Разве согласишься?

– Думаю, нет. А почему тебя не казнили за это время?

– Хороший вопрос, но ответа на него у меня нет, – ответила женщина. Она вскочила на четвереньки, начала прыгать, сбивая колени, и громко смеяться.

Мира отскочила в сторону, и попыталась устроиться в уголке, но присаживаясь, умолилась на крысу. Та взвизгнула. Закричала от страха и узница. Девушка рванулась с места, но, перелетела через беснующуюся старуху и ударилась головой. Повалилась на пол и женщина.

Она перестала смеяться, но принялась плакать. Её рыдания рвали сердце на части – до того горько она убивалась по своей судьбе и звала сыночка.

Мира тоже плакала и шёпотом звала свою маму. Она понимала, что увидит её только один раз во время казни. И от этого душу сжимала ледяная рука ужаса.

Ближе к вечеру раздался лязг проржавевшего засова. Принесли еду. Оставив у решётки две чёрствы корки хлеба и кувшин тухлой воды, стражник принялся запира́ть скрипучий замок. Мира подбежала к решётке и спросила, за что её держат взаперти. Она вцепилась ледяными пальцами в шершавые железные прутья. Стражник не проронил ни звука, а только хлестнул по рукам железным прутом. Кожа мгновенно лопнула, и с пальцев потекла кровь.

– За что? – крикнула Мира.

В этот момент её дернула за подол старуха. Пока девушка отвлеклась, стражник ушёл.

– Не говори с ними, – шепнула женщина. – Они могут вернуться.

– Может быть, они выслушают меня? – наивно предположила девушка и села рядом. Её пальцы жгла боль. Слёзы капали на рану и раздражали кожу. Оторвав от подола клочок ткани, Мира обмотала пальцы. – За что они с нами так?

– Молчи, – посоветовала женщина, – молчи и не спорь. Ночью они напьются и вернутся. Их будет несколько. Они будут держать тебя за руки и за ноги и брать твоё тело раз за разом по очереди, а то и вместе. Так что, молчи.

Мира онемела от страха. Она смотрела на сокамерницу и пыталась хоть немного разглядеть её в темноте.

– Ты поэтому изображаешь больную? – поняла она. – Тебя так обижали?

– Им вдоволь удалось отве́дать королевского тела, – пояснила женщина. – Сначала моего сыночка убили, потом меня терзали. А этот убогий ублюдок встал у власти, и его мать – шлюха.

– Женщина, что ты говоришь? – удивилась Мира, вытирая слёзы. – Ты не можешь быть королевой; тебе всё привиделось. Уже темно совсем, давай помолчим и хоть немного отдохнём.

– Девочка, запомни: я – Диастасия, а сын мой – Арлен. Запомни это! Когда тебя будут казнить и дадут последнее слово, расскажи народу с кем ты сидела в темнице. Тогда люди всё поймут, и справедливость возликует. Ко мне вначале приходил знатный лорд, вёл беседу и платил тюремщикам, но память его оказалась коротка. Как и моя на его имя.

– Сколько лет было твоему сыну? – спросила Мира. Она осторожно прошла к решётке и взяла корки хлеба, пока крысы не изъели их.

Женщина не ответила. Она лежала спиной к девушке. Та присела рядом и вложила ей в руку хлеб, но узница отказалась, сообщив, что он ей уже ни к чему. Мира сгрызла чёрствый хлеб в своём углу, подальше от сокамерницы, и легла, укрываясь плащом. Она понимала, что не сможет уснуть, но нужно отдохнуть и подумать.

Глава 14

Ему снился сон, будто стоял он один на пустынной дороге, дрожа от холода и страха. Никогда ещё не было ему так одиноко, будто потерял что-то важное. В большом граде без средств, без самых необходимых вещей – судьба особо «заботилась» о нём. Ничего не давая взамен, она отобрала у него всё. Даже во сне он чувствовал голод, ведь ничего не ел с утра. А меж тем тоненький ободок луны и звёзды едва освещали небо. Плотный лес и высокие горы окружали замок. А у него мёрзли ноги, сапоги окончательно прохудились, но выбора не было, ему нужно торопиться. Только куда? Стылый воздух вырывался из приоткрытого рта и оседал на губах кристалликами влаги. И вдруг он очнулся.

– Вот жаба, чуть не проспал! – воскликнул Деян и потёр глаза, садясь на постели.

Немного придя в себя ото сна, он встал с матраца и принялся ходить по комнате. Странник размышлял о том, как глупо попалась девчонка в руки стражникам. Он видел, как она была безумна в момент ритуала, но убить вряд ли могла. Если бы он только вмешался, а теперь что толку сокрушаться – нужно действовать. Примерное место содержания он выяснил, а вместе с этим узнал, что утром следующего дня девчонку казнят. У короля будет свадьба, и он подарит народу развлечение, повесив ведьму на глазах у всего града. Кстати: эшафот находился на площади Грешников. Жители всегда с особым рвением спешили посетить это место за будоражащими душу зрелищами.

Впереди у Деяна будет ночь, чтобы испортить народу праздник и позлить короля.

Справившись с волнением, он решил что нужно собраться в дорогу, дожидаясь утра.

Пришло время оплатить постой, а платить было нечем. Пришлось отдавать золотую шпильку, которую берёт на чёрный день. Хозяин таверны обрадовался, что странный постоялец съезжает, и принёс ему свежую овсяную лепёшку в дорогу. Деян спешил забрать своего коня и отправиться к северным воротам, чтобы привязать Седого и дожидаться вечера. Он сидел за огромным валуном и жевал хлеб, угощая жеребца, чтобы тот невзначай не обнаружил их место стоянки.

***

Пока Деян дышал свежим воздухом и рассматривал проплывающие по небу облака, Мира проснулась в своей камере и заметила, что старуха умерла.

Девушка боялась пошевелиться, но больше всего она страшилась закричать. Тогда придут надсмотрщики и, как говорила женщина, будут терзать её. Забившись в угол, она смотрела как крысы жрут труп сокамерницы. Девушка до крови искусала кулачок, только бы не кричать от ужаса. Ближе к полудню к решётке подошёл высокий упитанный мужчина со связкой ключей в волосатой руке. Он кинул на пол камеры половинку чёрного хлеба через металлическое отверстие. Воды на этот раз тюремщицам не полагалось.

– Сир, – обратилась девушка едва слышно, – там, там...

– Чего тебе? – обернулся страж, и поднял факел выше.

– Умерла, – шепнула Мира и попыталась глубже забиться в угол, будто он из глины, и мог принять её в свои объятия.

Стражник отпер замок и вошёл внутрь. За его спиной показалось удивлённое лицо напарника.

– Чет, старуха преставилась, – пояснил здоровяк второму мужчине. Он подошёл к женщине, согнувшись, и толкнул безвольное тело тяжёлым сапогом. Крысы вмиг разбежались.

– Давно пора, – хмыкнул напарник. – Вот королю подарок к свадьбе. Даже два.

– А ещё какой? – удивился здоровяк. Он тащил труп за ноги в сторону дверного проёма, в то время как другой с надменным видом посматривал на девушку.

– Второй-то? Да вот это чудовище утром казнят! – пояснил он. – Вот думаю: сейчас с ней погоревать или позже.

– Чет, давай, тащи эту облезлую шкуру, – прикрикнул здоровяк. – Нам ещё с ней вопрос решать. А ты всё о своём. Впереди вся ночь.

– Верно! – согласился Чет.

Он подмигнул узнице, важно выпятил грудь и проследовал за напарником. Как только они ушли, Мира упала лбом в солому и зашептала молитву. Она ясно представила взгляд брата, усталую улыбку матери, их недоумение, когда узнают о ней. Сердце защемило тоской. Так на душе сделалось плохо, что в пору самой прыгнуть в пропасть. Какой позор ждёт её: быть жестоко изнасилованной и повешенной, а страшнее всего – не знать за что. – Я что-то украла? – задавала себе вопрос узница. – Может, хлеб плохо выпекла? Что случилось, кому я навредила?

Мира заплакала и вспомнила, как была малышкой, любимой доченькой. Сколько она себя помнит, с ней и братом была только мать. Отца затоптал бык во время весенней пахоты. И с тех пор мать всю любовь отдала детям. Её горячо любимые близкие люди сейчас одни. Самые дорогие – они всё, что есть в её маленькой, но такой печальной жизни.

Девушка приняла решение: молить короля о пощаде, когда ей дадут последнее слово. Только она не догадывалась, что ведьмам такой возможности не дают. Как не знал и Деян, чем обернётся его посещение королевской тюрьмы.

***

Странник сидел в засаде и слушал, как оживились стражники. По их словам он понял, что совсем скоро начнётся церемония венчания короля Максимиана II и восточной принцессы Леи, племянницы императора восточного государства.

– Тем лучше: будет легче обвести стражу, – воодушевился Деян и заговорил сам с собой, будто оправдывая свои поступки перед невидимым собеседником. – Пока остаётся только ждать. И я буду это делать. Я этим и живу: выжидаю, убиваю, забираю, ухожу. До сих пор в ушах пульсирует мягкий стук некованных копыт Седого – моего друга. Мы с ним славно путешествуем из града в град. Нам нравится ночевать под открытым небом, когда природа полнится звуками струящейся воды, завыванием северного ветра, перекличкой ночных птиц. Нас защищает Длинноликий. Он не хуже коня – красивый и гордый.

Деян опустил руку на ножны из волчьей кожи и выхватил меч. Он рассёк воздух как льдина волну. Бронзовый эфес с искусной серебряной инкрустацией по бокам и рукоятью, опоясанной серебряными нитями, – блеснули молнией. Деян осмотрел гладко заточенное лезвие и остался доволен его безупречностью.

Странник терпеливо дожидался удобного случая, чтобы проникнуть в тюрьму замка. В такой торжественный для Максимиана II момент, Деян находился в нескольких шагах от монарха.

Глава 15

Максимиан II сидел во внутренней комнате рядом с жаровней, откуда сладковатый аромат яблоневых поленьев наполнял всё помещение. Монарх почти утопал в своём большом кресле, но ему было не до того. В передней толпились советники, а у дальней двери, скрываясь в тени, ждал слуга.

Государь был бледен, и нервно подёргивал головой. В тот момент он выглядел более чем жалко в своём одиночестве при полном народе замке. Его плечи укрывала белоснежная мантия, которая ещё больше подчёркивала бледность осунувшегося лица. Максимиану II было нестерпимо душно, от чего хотелось сбросить одежды и прилечь. Оруженосец стоял поодаль. Вместо меча он держал корону и с нетерпением смотрел на правителя. Его уже ждали гости во дворе, где на ухоженной лужайке раскинули большой шатёр для празднования бракосочетания.

Лужайка плавно сливалась с небольшим парком, который спускался к опасным скалам. Там, почти нависая над пропастью, стоял маленький заброшенный замок. Вдовья башня, служившая тюрьмой любовнице короля Диметриха (отца Максимиана I и деда Максимиана II), стала домом второй жене самого Максимиана I. Ни для кого не было тайной, что у короля было две супруги: Унифрид и Диастасия.

Первой женой, навязанной политическими взглядами, оказалась Унифрид. Браку сопутствовало подписание указа о соглашении между двумя королевскими семьями, и требовалось свободное обоюдное согласие жениха и невесты. После чего они считались официальными супругами. Любви там не было – только расчёт.

А любимой женой впоследствии оказалась – Диастасия. Их брак заключали публично, причём трижды на воскресных службах, предшествующих самому венчанию. Обряд происходил пред входом в собор, где Максимиан I вручил супруге золотой браслет, как знак того, что она будет обеспечена, если овдовеет. Как только вторая королева родила сына, монарх поселил любимую супругу в малом замке, чтобы она и младший сын не подвергались нападкам Унифрид, и в то же время были всегда под рукой. Вместе с ними делила кров только фрейлина Ильза.

Так как первая жена родила болезного потомка, государь принял решение посадить на трон второго мальчика. Однако вскоре замок потрясло известие, что младший наследник умер. Убитая горем мать несла бессмыслицу, порочащую доброе имя короля и первой королевы. Про любовь монарх быстро забыл, и вторую супругу заперли в замке. Позже про Диастасию и вовсе позабыли. Объявили, что скончалась она; но лишь немногие знали правду. А когда Максимиан I следом за супругой отправился на покой, править стала Унифрид. Вырастила она Максимиана II властным, но нервным. Взойдя на престол, он возьми да сошли маменьку в монастырь за ненадобностью.

Вот и зарастает теперь малый замок плющом и терновником. Туда давно не ступала нога человека.

А теперь без пяти минут молодой супруг Максимиан II о чём-то задумался. Может, в моменты приступа он и вспоминал свою мать, но никогда о ней не говорил. Бледность его щёк приобретала оттенок цвета слоновой кости. Его глаза лихорадочно блестели и перебегали с предмета на предмет. Совсем некстати случился с ним припадок. Чтобы прийти в себя, требовалось время, а его-то у него как раз и не было. Злость спала, он перестал кричать и выть, а осталось опустошение. Монарх пытался заставить себя подняться на ноги и улыбаться. А вскоре ещё придётся выйти к народу, чтобы побывать на казни.

– Кроватька пучеглазая, чтоб тебя амарок разодрал, – выругался король.

– Ваше величество, Вам лучше? – подал голос со своего места оруженосец. – Вы о ком толкуете?

– Мне всегда просто отлично, – рявкнул Максимиан II. – Давай плащ и впускай эту толпу лоботрясов.

– Как прикажете, Ваше Величество, – согласился воин и направился к королю.

***

Но не только Его величеству было не до веселья – печалился ещё один человек.

Мира осмотрела свою камеру: одна узкая длинная бойница с решёткой в стене. Света поступало мало, и от этого у девушки постоянно слезились глаза. Она пыталась напрягать зрение, чтобы видеть в темноте крыс и пауков; чтобы не заползли черви под одежду. Мира с тоской смотрела на перекрещенные железные прутья. Из соседних камер доносились различные звуки. Где-то шуршали соломой, распространяя запах гнили. Чуть дальше – стонали, доводя до сильнейшей паники. В дальнем коридоре кричали от боли; а иные ругались. В воздухе пахло плесенью, гноем от ран узников, и навозом. Сырость будто проникала под кожу и пробирала до костей. Не было ни единой возможности хоть как-то согреться. Но холод отвлекал от чувства голода.

– Эй, здесь есть кто? – раздался голос из соседней камеры.

– Я здесь, – ответила Мира. Она вскочила на ноги и подбежала к решётке.

– Что там со старухой? – спросил мужской голос.

– Преставилась, – тихо ответила Мира.

– А ты на чём попала? – расспрашивал собеседник.

– Не знаю, – ответила девушка. – Я ничего не помню.

– Эй! Амарок меня дери! Девка, ты чё ли пьяная была?

– Нет, – всхлипнула Мира. Она вцепилась в прутья и повисла на них, потому что ноги не держали. Девушка уперлась головой о холодный металл и заскулила.

– Не реви, – попросил мужчина. – И без того тошно. Тебя в допросную палату водили?

– Нет. А что это? – приподняв голову, насторожилась узница. Она разжала пальцы, и те соскользнули вдоль ржавых шершавых прутьев.

– Лучше тебе не знать этого. Это камера пыток, и чего там только нет.

– За что же меня пытать? – удивилась Мира.

– Правда на их стороне, и власть всегда найдёт за что, – поведал узник. Его голос звучал отрешённо. – Там полно железных колец вдоль стен, а рядом табуреты. На них терзают живую человеческую плоть различными способами – вплоть до прижигания колённым железом и выдёргиванием пальцев. Там и воронки для пыток водой есть. Подвешивают за ноги над широкими ушатами болотной воды, где кишат различные твари, отпускают верёвку так, что погружается пленник головой в эту жижу. А самое страшное – это колья. На них сажают. Старайся признаться в грехах раньше, чем туда попадёшь.

– О! Боже! – В этом вздохе было больше страдания, чем в объяснениях.

Мира отпрянула от решётки и забилась в угол, поджимая под себя ноги. Она не могла знать, что по её душу уже шёл человек в чёрном плаще по ту сторону стены.

Глава 16

Молодая невеста!

Покои Леи находились на втором этаже замка. Комната была небольшой, но хорошо обставленной. Два узких длинных оконца, зарешеченных тонким металлическим переплётom, пропускали малую толику света. Даже днём здесь приходилось использовать факел и свечи. Маленькая передняя была обита деревянными панелями, в отличие от приёмной короля, которая так и осталась каменной и холодной, не подвергшись ремонту и перепланировке.

Средства ушли на спальню будущей королевы, которую совсем немного облагородили, затянув стены широкими гобеленами с изображением природы. Между окнами располагалась жаровня, которая распространяла аромат берёзовых поленьев, тихо потрескивающих в очаге. Посреди комнаты стояла высокая кровать, а рядом с ней скамеечки, чтобы можно было взобраться на мягкую перину. Витые колонны кровати отливали золотом и особенно ярко блестели при свете свечей. На стене перед ложем висела большая картина, изображавшая сцену любви. У той же стены стояло высокое зеркало в золотой оправе. Перед ним вертелась новобрачная и одёргивала длинное платье. Она никак не могла привыкнуть к такому роду одежды, ведь у себя на родине юная принцесса носила широкие лёгкие шаровары и развивающуюся шёлковую рубашку. Это вопрос времени, конечно же, и к этому Лея привыкнет. Как и к тому, что ванну ей придётся принимать очень редко. Исключением стал лишь важный момент – день бракосочетания. Когда ещё представится такой случай, она не знала. Жидкость была с примесью свинца, и мыться в ней запрещалось. Мало того, что градом заправляли инфекции и болезни, и люди умирали ежечасно, так ещё причиной этого стала вода плохого качества. Впрочем, как и вино.

– Дикая страна, – вздохнула Лея, накручивая длинный локон на палец и рассматривая своё отражение в зеркале.

– Ужасный народ, – поддакнула ей служанка, которая стояла позади и расчёсывала волосы хозяйки.

– Странные нравы, – согласилась третья. Темнокожая девушка разложила на широкой постели золотые украшения и выбирала браслеты.

– Пора собираться, – скомандовала старшая из них, отвечающая за дисциплину и порядок. Она подала будущей королеве прозрачную вуаль тончайшего шёлка.

***

– Пора, – молвил ещё один человек. Деян пробирался вдоль каменных развалин и внимательно смотрел под ноги. Перед королевским замком тянулся глубокий ров, на который выходили комнаты. Нижний этаж оказывался на высоте двадцати футов, а значит – недосыгаем для неприятеля. И именно ров был необходим тому, кто целенаправленно стремился попасть в замок.

Пока Деян скучал, созерцая облака, ему пришла в голову отчаянная мысль.

«Почему бы не позаимствовать несколько предметов мужского туалета у какого-нибудь зазнавшегося лорда?»

А раз пришла такая шальная мысль: почему бы не воплотить ее в жизнь?!

– Подумаешь, всего-то каких-то двадцать футов над землёй, – парень одобрил свою идею, – и ты наряжен как знатный гость из королевского замка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.